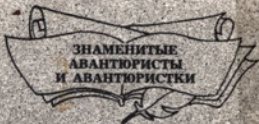

РОМАН ВЕЛОУСОВ

КОРОЛЬ РИСКА

Заключительная повесть нашей серии „Охота за золотом“ раскроет вам малоизвестные эпизоды походов великосветской авантюристки, которая запомнится современникам и потомкам по обе стороны океана.

РОМАН БЕЛОУСОВ

король риска

МОСКВА
РИФ «КОРОНА-ПРИНТ»
1990

ПОБЕГ

а рассвете со стен крепости раздались три пушечных выстрела. Местным жителям сигнал этот был хорошо известен. Он означал, что с Брестской каторги бежал преступник, и напоминал о вознаграждении в сто франков, которое ожидает всякого, кто поймает беглеца. В этот раз им был двадцатитрехлетний Эжен Франсуа Видок. Несмотря на молодость, он уже был известен как мастер побегов.

Свою репутацию Видок поспешил оправдать и на Брестской каторге. На восьмой день после прибытия он бежал в платье монахини, которая за ним ухаживала в лазарете. В конце концов сумел раздобыть мужскую одежду и, выдавая себя за матроса-дезертира, добрался до Арраса, где родился в семье пекаря дождливой летней ночью 1775 года, когда небо раскалывалось от громовых ударов.

Здесь мальчишкой он разносил хлеб по домам и был самым сильным и самым красивым парнем на улице Венецианского зеркала. Отец хотел сделать из него булочника, сын же крепко запомнил слова гадалки, однажды предсказавшей ему бурную судьбу.

В один прекрасный день, прихватив из кассы родителя две тысячи франков, он отправился в Остенде, надеясь там сесть на корабль и уплыть в Америку. Однако уехать не удалось — его дочиста обобрал какой-то проходимец, которому он доверился. Пришлось поступить в бродячую труппу кукольников. С этого момента начались его похождения, вполне оправдавшие слова гадалки. Уже в балагане впервые проявился его талант подражателя, не раз выручавший его впоследствии. Видок поистине владел даром Протея, перевоплощался буквально на глазах, легко изменял возраст, облик лица, манеры, голос.

После кукольного театра он поступил в услужение к бродячему лекарю. Ему приходилось таскать и раскладывать товар — склянки, пакетики, пилюли, — а главное, зазывать покупателей. Скоро это занятие опротивело ему. Послав лекаря ко всем чертям, он направил стопы в родной Аррас.

Шел 1791 год. Молодая Французская республика переживала тяжелые дни. До аррасцев доносятся из Парижа призывы отстоять отечество. Среди выступлений патриотов они узнают голос и их земляка ад-

воката Максимилиана Робеспьера, родившегося в соседнем с Видоками доме. Однажды вечером он отправился отсюда на дилижансе в столицу в качестве избранника города в Генеральные штаты.

Франсуа Видок, к тому времени вернувшийся и прощенный отцом, вступает добровольцем в армию. Его осанка, бравый вид, умение владеть шпагой способствовали тому, что его тут же зачислили в егеря. И вот на нем мундир бурбонского полка. В день битвы с австрийцами при Вальми — первого крупного успеха республиканских войск — его производят в капралы гренадеров. Для шестнадцатилетнего юнца это было неплохое начало. Подвел его необузданный нрав. То и дело затевал он ссоры, не давал спуска обидчикам и насмешникам и за полгода успел раз пятнадцать подраться на дуэлях, убив при этом двух противников. После поединка с унтер-офицером ему не оставалось ничего другого, как скрыться и перейти к австрийцам. Его зачислили в кирасиры. Но он предпочел притвориться больным, а не сражаться со своими. Так оказался он в госпитале, где пробыл несколько дней. После выхода оттуда предложил давать уроки фехтования гарнизонным офицерам. Вскоре приобрел множество учеников и загребал изрядные денежки. И снова Видока подвел ершистый характер. Из-за крупной ссоры с бригадиром его приговорили к двадцати ударам, которые по обычаю отсчитывали на параде. Экзекуция привела его в ярость,

Эжен Франсуа Видок

он отказался давать уроки и поступил денщиком к одному генералу, отправлявшемуся в действующую армию. При первой возможности он бежал и, выдавая себя за бельгийца, оставившего прусские знамена, поступил в кавалерию. Однако его постоянно преследовал страх быть узнанным и расстрелянным сослуживцами по французскому полку, где он служил до измены. На его счастье подоспела амнистия, после чего он спокойно объявился в родном Аррасе. В городе в тот момент расправлялись с аристократами.

Видок был поражен выражением уныния и ужаса на лицах горожан. На все вопросы о том, что случилось, ответом ему было молчание, люди, ни слова не говоря, отходили, недоверчиво оглядывая вопрошавшего. Что же произошло? Ответ стал ясен, когда он достиг площади Рыбного рынка и увидел здесь странное сооружение. Перед ратушей мрачно возвышалось изобретенное годом раньше Гильотеном "во имя любви к человечеству" быстродействующее приспособление — гильотина, метко окрещенное в народе национальной бритвой. Это орудие казни считалось гуманным изобретением: оно, с одной стороны, символизировало равенство в системе наказания, поскольку раньше голову отрубали только приговоренным, принадлежащим к знати, другие же шли на виселицу; с другой стороны, тюремщикам и палачам запрещалось плохо обращаться с несчастными, приговоренными к отсечению головы, и пытаться их.

Изобретатель этого адского сооружения заявил под смех Учредительного собрания в октябре 1798 года: "Господа, с помощью моей машины вам отсекут голову в мгновение ока и вы не ощутите ни малейшей боли". Если бы члены собрания знали, что многих из них в скором времени ожидает встреча с национальной бритвой, они не спешили бы смеяться.

Томас Карлейль, английский писатель, историк и публицист, напишет полвека спустя: "Чудак Гильотен, почтенный практик, которому, как бы на смех, судьба дала бессмертие самое странное, какое только когда-нибудь вызывало смертных из недр забвения. Он мог усовершенствовать вентиляцию зал, мог оказывать действительные услуги полиции по части медицины и гигиены; но надобно же, чтоб он сверх всего этого мог также сочинить трактат об уголовном кодексе, в котором представил изобретенную им машину для обрезания головы и художнически выполненную, которая скоро сделается известной повсюду". Таков был плод занятий Гильотена, плод, который народная благодарность или легкомыслие окрестили производным от него именем женского рода, как будто эта машина была его дочерью — Гильотина. "Несчастный доктор!.. — продолжал Т. Карлейль. — Даже после смерти много веков будешь блуждать ты неутешным привидением на мрачных берегах Стикса и Леты, а имя твое переживет, пожалуй, имя Цезаря".

Воплотить в жизнь это изобретение помогли двое помощников. Чертежи гильотины сделал д-р Луис, бессменный секретарь Хирургической академии и один из крупнейших врачей своего времени, а конструкцию построил плотник Тобиас Шмидт, обеспечивший этим орудием казни все 83 новосозданных департамента и получивший монополию на ее постройку. И очень скоро революционная буря превратила гильотину в инструмент казни индустриального масштаба. Во время массовых казней, прокатившихся по стране, когда одновременно публично отрубали головы сорока—пятидесяти жертвам, палачи и их помощники, натренированные каждодневным опытом, достигали невероятной быстроты в "работе" — на каждого осужденного уходило не более двух минут — зловещий рекорд!

Как совершалась казнь?

Жертву подводили к вертикальной доске, называемой "качалкой". С помощью двух крепких ремней, расположенных на уровне груди и колен, привязывали к этой доске. Затем помощники палача опускали "качалку", и осужденный оказывался лежащим на животе, а голова его попадала в круг открытого отверстия. После этого палач закрывал отверстие и приводил в действие нож гильотины.

Во время массовых казней времен революции "качалка" оставалась всегда опущенной. У палача на эшафоте было четыре помощника. Один из них хва-

тал правую руку жертвы, другой — левую, третий — ноги. Втроем они бросали ее на "качалку" лицом вниз. На связывание ремнями времени не тратили — держали руками. Четвертый помощник укладывал голову на полукруглое отверстие, закрывал ее сверху доской с полукруглым вырезом, так что голова оказывалась также зажатой, и почти одновременно опускался нож. Пока нож приводили в прежнее положение, помощники бросали тело в тележку, стоящую рядом с эшафотом, затем хватали следующего осужденного. Головы падали в большой мешок или корзину с опилками. За тринадцать минут такой палач, как знаменитый Сансон, мог отсечь двенадцать голов. "Что за человек этот Сансон! — восклицал писатель Мерсье, оказавшийся в тюрьме и чуть было не угодивший на гильотину. — От отрубает любую голову, кого бы ему не привели!"

За 718 дней революции в Париже было совершено 2742 казни, в том числе было обезглавлено 344 женщины, 41 ребенок, 102 семидесятилетних старика, 11 — восьмидесятилетних и один — 93 лет. Это только те, кто был казнен в Париже по приговору Революционного трибунала. Некоторых казнили без суда. А общее число по всей стране достигало более 18 тысяч.

В этой многолюдной толпе обезглавленных были представители всех классов общества. И часто те, кто еще недавно отдавал приказы о казни, сами ста-

новились жертвами. Сначала казнили короля, затем королеву, а вслед за ними тех, кто отправил их на эшафот: судей, присяжных, прокурора, даже самого председателя трибунала Фукье-Тенвиля, от которого палач получал приказы и который каждый день заранее сообщал ему число приговоренных, дабы тот заказал необходимое число тележек.

Это время разгула массового террора окрестили периодом "гильотинад"; казни совершались по всей стране и часто не хватало палачей, тогда находили любителей, которые брались отправлять эту кровавую должность.

Случалось, что из-за плохо сооруженной гильотины не удавалось сразу покончить с жертвой, и тогда ее добивали вручную ножом. Обычай требовал, чтобы после казни, особенно если это была известная личность, палач поднимал голову за волосы и показывал народу. Это было своего рода свидетельством того, что казнь совершилась успешно. Если казненный был лысым, то голову приходилось брать за уши. Толпа, потрясенная ужасом и зловещими деталями казни, безмолвствовала.

Подобную сцену пришлось увидеть и Видоку на площади Рыбного рынка. Перед молчаливой толпой стоял старик, которого привязывали к "качалке". Вдруг раздались трубные звуки. На эстраде, занятой оркестром, сидел молодой человек в фуфайке с черными и голубыми полосками. Его осанка скорее на-

поминала монашескую, чем военную, а между тем он небрежно опирался на саблю, эфес которой сделан в виде фригийского колпака — символа свободы. За поясом у него торчали два пистолета, а на шляпе развевалось трехцветное перо. Это был посланец Конвента, или, как мы бы сказали, чрезвычайный комиссар, присланный вершить революционное правосудие, а точнее говоря, кровавую бойню. Звали его Лебон. В ту минуту, когда Видок увидел его, лицо Лебона оживилось ужасной улыбкой, он перестал отбивать такт левой ногой, трубы замолкли, по мановению его руки старика положили под нож. В тот же миг перед "народным представителем" возник полупьяный секретарь и хриплым голосом прочел приговор. Из него стало ясно, что казни подлежит прежний комендант крепости, осужденный за аристократизм.

Когда голова несчастного скатилась в корзину, Лебон прокричал: "Да здравствует республика!" Нестройный хор приближенных вторил ему.

Видоку рассказали, как за несколько дней до этого казнили одного беднягу по имени Вьепон вместе с дочерью и служанкой только за то, что кому-то крик его попугая показался похожим на возглас "Да здравствует король!" Птице грозила та же участь, но она не захотела повторить на допросе свой роковой крик, к тому же за птицу вступилась родственница "комиссара".

Кровожадный Лебон не приостанавливал казни даже по ночам и тогда экзекуция совершалась при свете факелов. Покончив с очередной жертвой, Лебон спрашивал: "Кого мы завтра отправим?" Жизнь человека не стоила ни гроша.

От греха подальше Видок предпочел вновь вступить в так называемую революционную армию. Но и тут ему пришлось встретиться с гильотиной.

Конвент не нашел лучшего средства, чтобы укрепить верность офицеров и солдат всех армий, сражающихся с врагами отечества, как демонстрировать им орудие казни, которое ожидало любого изменника. И эта кровавая машина действительно наводила ужас на всякого, в том числе и на население городов и сел, по которым ее провозили.

Однажды верный себе Видок угостил пощечиной одного из своих командиров, который нашел предосудительным, что у него золотые эполеты, тогда как по уставу надо было носить полотняные. За этот "подвиг" Видок дорого заплатился бы, если бы не грянувшее сражение с австрийцами. В бою ему оторвало пулей два пальца и он попал в госпиталь. Возвращаться в армию он не захотел и предпочел блузу рабочего офицерскому мундиру. Иначе говоря, стал дезертиром.

Это означало, что он должен был скрываться. Если бы его опознали, ему грозила бы в лучшем случае каторга.

Однажды в Брюсселе, куда он добрался, полицейские потребовали у Видока показать паспорт. Он прямодушно ответил, что у него его нет. Последовал арест. Он выдал себя за уроженца Лилля, назвался Руссо и уверял, что забыл документ дома. Слава богу, его пока что не опознали. Чтобы не искушать судьбу, он решил бежать из тюрьмы, куда его водворили.

На простынях спустился из окна второго этажа и добрался до дома в предместье, где жила одна его подружка. Переждав погоню, облачился в шинель конных егерей, наложил на левый глаз черную тафту с пластырем, что делало его неузнаваемым, и благополучно покинул город.

Посетив сначала Амстердам, Видок решил побывать в Париже, увидеть который давно мечтал.

Весной 1796 года он пришел в столицу и поселился на улице Лешель в гостинице "Веселый лес". Однако новая ссора с капитаном и угроза ареста вынудили его вскоре оставить город. Но куда идти? Лучше всего в Лилль. Как военная крепость и пограничный город он представлял многие преимущества для тех, кто, подобно Видоку, надеялся найти там полезных знакомых.

По пути в Лилль Видоку пришлось присоединиться к странствующему лекарю-шарлатану, ночевать с цыганами и узнать много интересного о их быте и обычаях, снова быть учителем фехтования.

В Лилле он повстречал одну "камелию" — прекрасную Франсину и, можно сказать, влюбился. Казалось, она отвечала ему тем же. Каково же было ему узнать, что тайком она встречается с инженерным капитаном. Застав их как-то за ужином вдвоем, Видок набросился на соперника с кулаками. За это его приговорили к трем месяцам тюрьмы и посадили в Башню Святого Петра.

Здесь и произошел тот роковой эпизод, который, возможно, решил всю его дальнейшую судьбу.

Среди арестантов в камере находился крестьянин Севастьян Буатель, осужденный на шесть лет за кражу хлеба. Это был отец многодетного семейства, глубоко переживавший разлуку с детьми. Бедняк в отчаянии повторял, что заплатил бы порядочную сумму за свое освобождение.

Двое сокамерников — некие Груар и Гербо, осужденные за подлог, — решили помочь Буателю. Они взялись сочинить от его имени прошение об освобождении. Оба мошенника, жаждавшие заполучить обещанную крестьянином награду, через восемь дней объявили, что документ готов и Буатель может надеяться на скорое освобождение. И действительно, вскоре явился вестовой и передал тюремщику пакет. Вскрыв его, тот объявил, что это приказ об освобождении Буателя. Когда на другой день пришел для осмотра камеры инспектор и тюремщик предъявил ему приказ, тот сразу же увидел, что это фальшивка.

Завертелось дело. К нему оказались причастными и оба мошенника, сфабриковавшие подложный приказ, и тюремщик, и сам Буатель, знавший о преступном замысле. Все они дружно показали, что в подлоге замешан и Видок. Для него авантюра двух подлецов кончилась весьма плачевно. За участие в подлоге его приговорили к восьми годам содержания в кандалах, согласно 44-й статье и второму разделу второй главы части Уложения о наказаниях.

Можно сказать, невинно пострадав, Видок теперь думал лишь о побеге. В этот момент как нельзя кстати объявилась Франсина, раскаявшаяся и горько сожалевавшая о своем легкомыслии. Она часто навещала Видока и однажды принесла ему мундир, спрятав его в муфте. Мундир был точно такой же, какой носил тюремный инспектор. Переодевшись и загримировавшись так, чтобы походить на инспектора, Видок беспрепятственно вышел из тюрьмы.

Несмотря, однако, на столь удачный маскарад, Видока опознали и он вновь оказался в Башне Святого Петра. Но мысль о побеге не покидала его. И вот как-то вызывают его на допрос вместе с несколькими другими заключенными. Снаружи их всех охраняют солдаты, а в помещении двое жандармов.

Один из них выходит, неосторожно оставив возле Видока свою шляпу и шинель. Другого вызывают звонком и он тоже покидает комнату. Не долго думая, Видок надевает шляпу жандарма, его шинель,

берет за руку одного из заключенных и, делая вид, что сопровождает его за известной надобностью, решительно идет к двери. Солдаты пропускают его, не говоря ни слова.

И вот Видок на воле. Но что делать без денег и без паспорта? Он решает на первое время укрыться у Франсины. Это было ошибкой. Жандармы верно рассчитали, что искать его надо у подружки. Она часто навещала его и однажды принесла трехцветную ленту, которую он попросил у нее. Из куска ленты он сделал себе пояс, остатком украсил шляпу и в таком виде смело прошел мимо часового, принявшего его за муниципального чиновника.

Когда его снова изловили и доставили в ту же проклятую тюрьму, заковав в кандалы, он узнал, что бедная Франсина осуждена на шесть месяцев за содействие его побегу.

Самого же Видока ожидала отправка сначала в парижскую тюрьму Бисетр, а оттуда на каторгу в город Брест.

Каторжников, отправляемых туда, сковывали попарно толстым железным обручем, на ногах тяжелые оковы — бежать, казалось, было невозможно. Правда, арестанты партии, с которой шел Видок, предприняли такую попытку в лесу во время привала. Но кончилась она неудачей.

Тюрьма Бисетр — обширное четырехугольное здание, состоящее из примыкавших к нему многих

построек, главная из них — пятиэтажный корпус, на каждом этаже сорок камер по четыре заключенных.

Помимо охраны на крыше день и ночь "дежурил" свирепый пес по кличке "Драгун", не поддающийся ни на какие искушения. Не устоял он лишь перед куском жареной баранины, подброшенной заключенными. Пока он лакомился мясом, некоторые из них попытались бежать. За это "страж" был сослан на собачий двор, где он, посаженный на цепь, без свежего воздуха и, должно быть, от угрызения совести вскорости подох. А люди переносили и не такое.

В тюрьме Видок познакомился с Жаком Гутелем, кулачным бойцом, у которого брал уроки его искусства, пригодившиеся ему впоследствии.

Надо заметить, что жизнь в этой, как, впрочем, и в других французских тюрьмах, не отличалась особо строгим режимом. И тысяча двести арестантов, которых вмещала тюрьма, вели довольно свободный образ жизни. Могли более или менее свободно передвигаться по тюрьме, заниматься своими делами, лишь бы не пытались бежать. Довольно легко они сносились и с внешним миром. Многие пользовались этим, получая с воли инструменты и деньги, чтобы организовать побег.

Когда арестантов начали готовить к отправке на каторгу, для Видока все оказалось внове. И то, что у его шляпы обрезают поля, а у одежды воротник, и то, как всех сковали попарно шестифунтовой цепью,

прикрепленной к общему железному пруту для двадцати шести арестантов, так что двигаться они могли только все вместе. К этой цепи каждый был прикреплен от ошейника в виде железного треугольника, закрепленного заклепкой.

И вот партия двинулась. Представьте себе пятьсот негодяев (большой частью пьяных, так как вино свободно продавали в тюрьме), горланящих песню галерников.

"На нас красные куртки, вместо шляп колпаки, а галстуками мы пренебрегаем.

Нам напрасно жаловаться, мы избалованные дети, и страх потерять нас заставляет держать на цепи".

Двадцать четыре дня длилось это путешествие. По прибытии в Брест всех обрядили в красные куртки и зеленые колпаки. На каждой робе — буквы GAL, на колпаке железная бляха с номером, а на плече выжженное клеймо TG (каторжные работы). Впридачу ножные кандалы.

Не буду рассказывать о том, что Видок и при этом пытался несколько раз бежать, но неудачно. Наконец еще одна попытка увенчалась успехом, подтвердив его репутацию короля риска и мастера побегов.

Переодевшись в платье сестры милосердия Франциски, монахини, которая за ним ухаживала в тюремном лазарете, он наконец бежал, подплив кандалы. Едва ли не самое трудное при осуществлении этого

побега было справиться с головным убором монахини, довольно сложным сооружением. Непорядок в нем мог легко выдать беглеца. Но все обошлось — туалет мнимой монахини оказался безупречным, хотя юбки сильно мешали при быстрой ходьбе.

Не прошел Видок и полчаса по нантской дороге, как услышал три пушечных выстрела, возвещавших о его побеге.

В Нанте ему удалось раздобыть крестьянское платье, в котором он и продолжил путешествие. Путь его лежал в Аррас.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

По дороге ему пришлось побывать в роли погонщика скота и пережить немало приключений.

Дома его не ждали. Родители считали непутевого сына давно погибшим. Пришлось сочинить длинный рассказ, который мало соответствовал тому, что случилось с ним на самом деле. Из его исповеди мать и отец уяснили лишь одно — их сын находится в бегах и ему грозит арест. Надо было подыскать надежное убежище. Решили поместить сына в окрестной деревеньке у бывшего кармелитского монаха, друга отца. В то время (шел 1798 год) священники совершали богослужения тайно, поэтому монах служил обедню в риге. Видок стал его помощником, для че-

го пришлось вновь облачиться в рясу. Свою должность он исполнял так ловко, что можно было подумать, будто ничем другим никогда и не занимался. Заодно стал помогать монаху и в обучении деревенских ребят. И с этой ролью он успешно справлялся.

Все шло хорошо, никто не подозревал, что молодой монах — это беглый каторжник. Подвело его сластолюбие.

Однажды ночью, движимый ревностью к науке, он собирался давать уроки одной своей ученице на сеновале. Вдруг его схватили четыре дюжих парня, отвели в хмельник, раздели и высекли крапивой. После чего вытолкали на улицу голым, покрытым волдырями.

Незамеченным (благо была еще ночь) он добрался до дома своего дяди, проживавшего неподалеку. Здесь, посмеявшись над его несчастьем, его намазали постным маслом и сливками. Через несколько дней, совершенно выздоровев, неудачливый дон-жуан навсегда покинул свое укрытие.

Дома он показаться не смел — со дня на день могла нагрянуть полиция. Он решил отправиться в Роттердам, где нанялся матросом на корабль, назвавшийся Огюстом Дювалем из Лориана. Паспорта никто от него не потребовал.

Судно, на котором служил Видок, было самым обыкновенным капером, а многие члены экипажа были подстать Видоку — скрывавшиеся от властей.

Видоку пришлось участвовать в абордажных схватках при захвате английских торговых судов, поскольку Франция находилась тогда в состоянии войны с Англией. Риск щедро оплачивался долей от захваченной добычи. Скопив порядочную сумму, он уже подумывал о каком-либо честном занятии, но вдруг на судно пожаловала полиция для проверки. Стучилось это все в том же злополучном для него порту Остенде, где корабль стал на якорь. Матрос без документов вызвал подозрение. Ему предложили сойти на берег и обождать в участке, пока не подтвердится, что он есть тот, за кого себя выдает.

На улице, не долго думая, Видок попытался улизнуть. Он был уже довольно далеко от стражи, но на беду споткнулся и упал. Преследователи настигли его, надели ручные кандалы, заодно изрядно поколотив прикладами и сабельными ножами.

И вот он снова бредет в колонне арестантов. Его ждала все та же тюрьма Бисетр, куда он вновь попал весной 1799 года. Отсюда с партией приговоренных к каторге ему предстояло проделать путь до Тулона.

Его напарником, скованным с ним одной цепью, оказался знаменитый парижский вор Жоссие по прозвищу Отмычка. В свете, где он обычно орудовал, его принимали за креола из Гаваны. Он выдавал себя за маркиза Сент-Аман де Фараль.

Приятная наружность, изящные манеры и умение прилично держать себя в хорошем обществе,

костюм франта открывали перед ним двери богатых особняков — объект его краж, свидетельствовавших о тонкой наблюдательности и изобретательности их автора. Он так свыкся со своей ролью, что даже будучи скован цепью, среди каторжников, сохранял изящные манеры и вел себя, как аристократ. Видок обратил внимание на то, что каждое утро этот благовоспитанный вор целый час занимался своим туалетом, особенно ногтями рук, пользуясь великолепным несессером. Позже Видок расскажет о нем в своей книге, посвященной бывшим его друзьям и пережитым им самим приключениям.

После почти сорокадневного путешествия транспорт из пятнадцати фур, набитых арестантами, прибыл в Тулон.

Последовала знакомая процедура: раздали одежду каторжников и заковали в ручные кандалы. Затем всех переписали, отделили от остальных "оборотных лошадей", то есть беглых, вновь угодивших в силки закона. Этим заковали в двойные цепи. Побег увеличивал срок на три года. Видока, оказавшегося в числе закоренелых, как и остальных таких же, освободили от работы, дабы исключить возможность побега.

Прикованный к скамье, вынужденный спать на голых досках, пожираемый насекомыми, униженный жестоким обращением, страдающий от недостатка пищи, Видок скоро приобрел жалкий вид. Недаром

о тулонской каторге шла дурная молва: по сравнению с брестской содержание здесь было намного хуже.

Каких только злоумышленников и злодеев не повстречал он тут. Таков был и некий Видалль, сокамерник Видока.

В четырнадцать лет он стал членом шайки убийц, эшафота избежал лишь благодаря своей молодости. Его приговорили к 24 годам, но, едва переступив порог тюрьмы, он во время ссоры ножом убил своего товарища. Содержание в тюрьме заменили каторгой. Здесь ему представился случай "отличиться". Случилось, что однажды не оказалось в городе палача и некому было совершить казнь. Видалль с готовностью предложил свои услуги. Такая практика тогда, во время революции и позже, имела место. Палачи-добровольцы в отличие от таких, скажем, как все тот же Сансон, (не обладали тем искусством, что профессионалы). Но к помощи их вынуждены были прибегать во время массовых казней, когда палачей не хватало.

Таким палачом-любителем был, в частности, некий Анс, принадлежавший к эльзасским ворах. По жестокости с ним не мог сравниться ни один палач. У него была привычка во время казни выстраивать в ряд отрубленные головы перед теми, кто ждал очереди у эшафота. Зимой 1794 года он выстроил таким образом в линию 26 голов казненных в один день.

Другой из подобных любителей "оригинального жанра" действовал в Бордо. Звали его Дютрусси. У него была манера оскорблять осужденных, причем, он продолжал поносить их даже после того, как голова падала с плеч.

Члены Конвента вынуждены были написать о нем в Париж, после чего он был в марте 1795 года арестован за то, что без распоряжения и официальных полномочий гильотинировал несколько человек, осылая их предварительно всякими оскорблениями.

Нередко такие любители, не умевшие управлять машиной казни, обрекали жертву на долгие мучения. К слову сказать, и профессионалы частенько допускали промахи по неопытности обращения с новоизобретенным орудием—то ли из-за недостатков конструкции, то ли еще почему. Так Пейрюссену (потомственному палачу города Бордо) во время казни нескольких человек пришлось опускать нож по многу раз, пока, наконец, ему удалось прикончить свои жертвы. За такую "нерасторопность" самого палача обвинили "в жестокости по отношению к приговоренным, которые не могли защищаться!?" Судья заявил ему, что теперь работу палача может выполнять любой гуманный человек и что в некоторых коммунах находятся даже патриоты, оспаривающие друг у друга честь выполнять функции национального правосудия. "Все палачи, — продолжал судья, — должны благословлять Революцию, которая сделала их

уважаемыми гражданами". Выходило, что Пейрюссен не уважал Революцию, поскольку не проявил себя с гуманной стороны, карая во имя закона. За это его бросили в тюрьму, и город лишился палача. Тогда его стали отпускать из тюрьмы для совершения казней.

Видадь, довольно долго исполнявший приговоры Революционного трибунала, тем не менее не заслужил прощения. Когда голова Робеспьера — вдохновителя террора — скатилась с плеч и кровавая вакханалия кончилась, палача-добровольца Видаля водворили обратно в тюрьму под особый надзор. Его приковали к скамье с неким Дешаном, одним из участников кражи века — похищения драгоценностей из государственного хранилища.

Преступление это наделало в свое время немало шума, о нем было объявлено с трибуны Конвента министром внутренних дел. Лишь пять лет спустя, в 1797 году, удалось напасть на след грабителей благодаря некоей госпоже Корбен, сообщившей за обещанное вознаграждение сведения, которые и привели к раскрытию преступления. Сумма, в которую исчислялось похищенное, составляла семнадцать миллионов. При этом исчез знаменитый алмаз Регент. Его история заслуживает отдельного рассказа.

Алмаз был найден в копьях Голконды в 1701 году. Раб, который добыл его, решил утаить редчайшую находку. Он понял, что с помощью такого прекрасного камня добудет себе свободу. Недолго думая, он

ударил себя киркой по ноге. Рваная рана оказалась достаточно глубокой, чтобы как раз спрятать в ней драгоценный камень. А сверху хитроумный раб наложил повязку из листьев. Таким образом ему удалось провести бдительных надсмотрщиков. Ночью он бежал. Проложив нелегкий путь, добрался до Малабара, где договорился с английским матросом, что тот тайком увезет его в трюме судна. В случае удачной попытки пообещал щедро оплатить услугу единственной ценностью, которой владел. Матрос был поражен, увидев необыкновенный алмаз. Желание немедленно завладеть им охватило его. Удар ножом — и он стал владельцем сокровища. На берегу матрос нашел ювелира и продал ему добычу за тысячу фунтов стерлингов. В свою очередь тот сбыв камень подороже. Целых двадцать тысяч фунтов стерлингов выложил за невиданный алмаз Томас Питт, английский губернатор Мадраса.

Когда о покупке столь редкого сокровища узнали в Лондоне, никто не поверил, что Питту действительно достался по такой сравнительно недорогой цене необыкновенный алмаз. В таком случае, откуда же у него оказался камень весом в 400 карат? Всем казалось это подозрительным. Тем более, что прошлое губернатора было покрыто мраком неизвестности. Болтали, будто он был когда-то пиратом. А раз так, то, возможно, алмаз — незаконная добыча морского разбойника.

Питт не стал ждать, когда его попросят представить доказательства на право владения алмазом. Тайком он передал камень лондонскому ювелиру, чтобы огранить его.

Известно, ценность алмаза зависит не только от его величины, но и от формы, придаваемой ему огранкой, от цвета, прозрачности. Причем, огранка значительно меняет стоимость камня. И хотя при этом он теряет в весе, но чистота обработки, придающая алмазу блеск и "игру", повышает его цену.

Два года трудился ювелир над огранкой алмаза, найденного рабом в копиях Голконды. И вот наконец камень вспыхнул еще более прекрасным, чудесным светом. Огныне его стали называть "Бриллиантом Питта".

Однако владел им Питт недолго. Он предпочел все же избавиться от столь известной и обременительной драгоценности. В 1717 году успешно сбыл бриллиант регенту Франции герцогу Орлеанскому за три с половиной миллиона золотых франков.

По желанию герцога бриллиант был вновь огранен. И хотя при этом он опять изрядно "похудел" — вес его достигал 136 карат, — ценность его отнюдь не уменьшилась. С тех пор бриллиант стал собственностью французской королевской семьи. Сменив хозяина, он получил и новое имя — "Регент".

Похитив столь ценный камень, Дешан с товарищами попытался сбыть его в Париже. Но стоимость

алмаза, определяемая в двенадцать миллионов, не могла не вызвать подозрения. Распилить его тоже было опасно — ювелир, который взялся бы за эту работу, мог донести. Решено было переправить камень в Англию. По наводке одного из дружков Дешана, опередив планы похитителей, алмаз отыскивали в городе Туре. Он был зашит в токе некоей госпожи Лельевр, которая не смогла из-за военных действий добраться до Лондона и решила сбыть товар в Бордо.

Дальнейшая судьба злополучного бриллианта также полна драматических коллизий. Он был снова похищен. На этот раз след камня отыскался лишь много лет спустя в Берлине. Немецкий ювелир продал его Наполеону, а тот велел вставить бриллиант в эфес своей шпаги.

После падения Бонапарта "Регент" снова был продан на аукционе за шесть миллионов франков, а затем наконец оказался в Лувре.

Несмотря на пристальный надзор в тюрьме за такими, как Жосси, Видадь, Дешан и другими закоренелыми преступниками (в числе их оказался и Видок), его не покидала мысль о новом побеге. Он решил прибегнуть к испытанному методу — притво — риться больным, чтобы оказаться в госпитале. Первая часть плана удалась. Далее все зависело от случая. Вскоре он представился. Фельдшер неосторожно оставил свой сюртук, шляпу, трость и перчатки на кровати Видока. Воспользовавшись этой оплошностью,

переодевшись в чужое платье и изменив внешность с помощью заранее припрятанного парика и наклеенных бакенбард, наш герой благополучно скрылся.

Однако и на этот раз его поймали. Видно так уж на роду было у него написано — за удачей следовала неудача, он словно ходил по роковому кругу, испытывая судьбу. За смелость и отвагу, за неоднократные упорные попытки бежать из тюрьмы Видока прозвали королем риска. Поговаривали, что он оборотень, способный проходить сквозь стены, и даже в огне не горит и в воде не тонет. И это действительно было так.

Однажды с моста он бросился в реку, спасаясь от жандармов. Была зима, течение бурное. Преследователи были уверены, что беглец утонет. Но он спасся. В другой раз Видок прыгнул в реку из окна тюрьмы, воспользовавшись тем, что стража отвлеклась. Наступили сумерки, плыть было все труднее. Он продрог, силы начали изменять ему. Но удача и на этот раз сопутствовала ему.

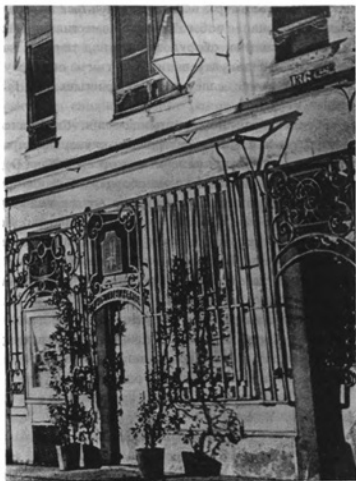
В очередной раз его арестовали на ярмарке в Манте — городке под Руаном. Не помог и паспорт на имя некоего Блонделя. В нем опознали беглого Видока. В инструкции сопровождавшим его жандармам говорилось, что "Видок (Эжен Франсуа) заочно приговорен к смертной казни. Субъект этот чрезвычайно предприимчив и опасен". До самого Парижа стражи ни на минуту не спускали с него глаз. Он по-

нимал, что на этот раз все может кончиться печально. Выход был один — побег. Едва его поместили в Луврскую колокольню, оборудованную под тюрьму, как в ту же ночь Видок, перепилив решетку на окне, спустился по веревке, сплетенной из простынь, — и был таков.

Последовали новые приключения. Скрывался, переодевшись пленным австрийцем, служил на пиратском судне и знавал знаменитых корсаров Жана Барта и Поле, ходил с ними на абордаж, был каноником, тонул во время бури. В армии, куда снова вступил, получил чин капрала морской артиллерии. Но, как он сам говорил, роковая судьба, которой повиновался против своей воли, постоянно сближала его с людьми и ставила в обстоятельства, менее всего соответствующие его благим намерениям. Из-за этой несчастной склонности случилось, что, и не помышляя участвовать ни в каких тайных обществах, существовавших тогда в армии, он волей-неволей оказался посвященным в секреты одного из них.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Возникло такое общество, сообщает Видок, впервые в Булони. Состояло оно из мичманов и гардемарин флота, но со временем разрослось и в него вступили многие военные. Называлось это об-

Кабачок "Стульчик"

щество "Олимпийцы". Организовано оно было по образцу масонских лож. В него допускались моряки от гардемарина до капитана корабля, из сухопутной армии — от унтер-офицера до полковника. Видоку самому довелось слышать на собраниях олимпийцев, как они провозглашали принципы равенства и братства, произносили антиправительственные речи. В Булони олимпийцы собирались обычно у владелицы одного ресторанчика. Тут происходили их заседания и совершались посвящения в члены. О политической направленности этого общества говорят принятые им знаки — рука с мечом в окружении облаков, внизу опрокинутый бюст Наполеона. Чтобы быть принятым в общество, требовалась проверка на мужество и скромность. Достойных и отличившихся на военном поприще, а также недовольных воцарением Наполеона на троне принимали особенно охотно. Хотя о свержении узурпатора предпочитали из осторожности не говорить вслух, однако цель руководителей была именно такова. Всех членов связывала клятва "взаимного содействия и покровительства", заговорщики только выжидали удобного случая, чтобы начать действовать.

Союз "Олимпийцев", утверждал Видок, возник вскоре после того, как Наполеон объявил себя императором, то есть в 1801 году, и просуществовал года два. Потом он слился с знаменитым обществом "Филадельфов". Таким образом, "Олимпийцы", на-

ставвал Видок, были первыми, что бы ни говорил Шарль Нодье в своей книге "История секретных обществ в армии и военных заговоров, направленных на свержение правительства Бонапарта". Автор же этой книги доказывал, что тайная организация "Филадельфов" появилась чуть ли не сразу после 18 брюмера (то есть 9 ноября 1799 года), когда Наполеон Бонапарт, фактически совершив государственный переворот, был назначен командующим парижскими войсками.

Филадельфы проявили себя в двух заговорах генерала Мале, в 1808 и 1812 годах, пытавшегося уничтожить империю Наполеона, и оба раза неудачно.

Как и олимпийцы, филадельфы были организованы по образу масонских лож, их секции находились в различных армейских частях. В год коронации Наполеона они насчитывали в своих рядах 4 тысячи офицеров. В основном это были республиканцы, но принимали и роялистов.

Однако можно ли доверять Шарлю Нодье?

Современники не без основания считали его самым неуловимым из полиграфов, Стендаль называл "туманным", про него говорили, что ему известны все способы подделок классиков. И действительно, Шарль Нодье, известный писатель, блестящий рассказчик, знаток и тонкий ценитель литературы, был одним из самых талантливых мистификаторов своего времени. Он обладал даром подражателя, поразитель-

ным чувством стиля. Из-под его насмешливого пера вышло немало неожиданных подделок и ловких мистификаций. Самой известной и, пожалуй, самой лучшей из них, в подлинности которой никто поначалу не усомнился, считается знаменитая его "История тайных обществ в армии..." Довольно толстый том под таким названием появился в Париже в конце 1815 года вскоре после падения Наполеона. Имя автора на титульном листе отсутствовало.

"Если бы факты, о которых я буду говорить в этой книжке, были бы описаны пером Саллюста или Макиавелли, — скромно заявлял в предисловии анонимный автор, — то книга эта была бы признана во всех странах и во все эпохи как один из самых ценных исторических трудов".

Читатели книги находили в ней описание самых невероятных приключений. Заговоры, убийства, погони и преследования, секретные агенты, сражения.

А в общем это был рассказ о деятельности во времена правления Наполеона тайного союза "Филадельфов" — организации, поставившей своей целью свержение Наполеона.

Шарлю Нодье было присуще одно особое качество: мастерски умел он подлинную историю приукрасить узором своей собственной фантазии. И в случае с "Филадельфами" Шарль Нодье исходил из подлинного факта. Организация с таким названием в самом деле существовала. Но это был весьма незначитель-

ный кружок молодых людей, недовольных политической Наполеона. Под пером Нодье кружок этот, о котором в общем-то мало кто знал, превратился в огромную тайную организацию, активно действовавшую на протяжении 14 лет. Заговор охватывал офицеров всех чинов, выходцев из различных слоев общества. Читатель узнавал самые невероятные подробности многолетней борьбы. В этой отчаянной и жестокой схватке "один за другим погибали самые талантливые руководители общества, самые предпринимчивые из его членов. Но общество продолжало существовать, оставаясь мощным среди своих развалин". Анонимный автор, являвшийся, по его словам, одним из руководителей этого тайного союза, восклицал: "Да, это была война!

Война не на жизнь, а на смерть. Война, окончившаяся свержением деспотизма, в чем была немалая заслуга и заговорщиков."

Словом, речь шла о действиях, и весьма активных, широкого антиправительственного подполья во времена правления Наполеона. Здесь было чему удивляться. Никто из современников и не подозревал о таком мощном подпольном движении в стране. Сторонники Наполеона, а таких, несмотря на белый террор эпохи Реставрации, было немало, возмущались и негодовали, усматривая в подлых действиях филаделффов одну из причин краха их кумира. Напротив, противники "жорсиканского чудовища", главным об-

разом роялисты, также с готовностью уверовавшие в реальность подпольной организации, не переставали восхищаться ею, столь отважно и успешно борющейся с тиранией Бонапарта.

Только благодаря автору сенсационной книжки тайное стало явным, были обнародованы невероятные подробности деятельности заговорщиков. Маска конспирации была, наконец, сброшена. И перед удивленной публикой предстала целая толпа героев-офицеров. Впрочем, слово "толпа" абсолютно не подходит к хорошо организованному и прекрасно законспирированному подполью. В ряды заговорщиков принимали лишь самых достойных и отважных. Во главе организации находилось несколько высокопоставленных лиц, хотя ее члены вербовались из всех слоев общества.

Существовало три степени посвящения. Каждому члену тайного общества после клятвы, данной им, присваивалась вместо собственного имени кличка. Для этого выбирали античные имена.

Выбор имен определялся основными чертами характера или поручением, которое давалось принимаемому во время его клятвы свято выполнять устав общества. Члены общества имели свой пароль, у них были условные жесты, по которым они узнавали друг друга, и тайная эмблема.

Что за герои были эти филадельфы! Какие благородные и смелые, какие честные!

Самым отважным из них был глава ордена. Вот как рисует портрет этого рыцаря без страха и упрека автор книжки: "Природа, создавая его, предопределила его для всего доброго и прекрасного. Он мог бы стать по своему желанию поэтом, доктором, магистром; целая армия превозносила его смелость; никто не мог равняться с ним в красноречии; только душа ангела могла бы дать представление о его доброте, если бы эта доброта не была так широко известна... Он был рожден Вертером, свет сделал из него Ловеласа. Именно таким Шиллер нарисовал Фиеску".

Поистине байроническим героем представлял читателям автор книжки главу ордена полковника Жакка-Жозефа Удэ, известного в среде заговорщиков под именем Филопомена. В числе его ближайших сподвижников в книге названы многие видные деятели той эпохи, скрывавшиеся под кличками Фабиус, Кассий, Фемистокл, Спартак.

Чем же занимались члены тайного общества, какие деяния совершали? Или, может быть, бравые офицеры ограничивались лишь громкими фразами и предпочитали активным действиям салонные разглагольствования? Отнюдь нет. Правда, несколько их попыток произвести государственный переворот окончились крахом. Выступление двух генералов из числа заговорщиков — Моро и Пишегрю — потерпели неудачу. Пишегрю был убит, Моро выслан за границу. Неудача не обескуражила филадельфов, ибо в их

ряды вступил генерал Мале по кличке, присвоенной ему обществом, Леонид. Он и его сподвижники были людьми дела. Их подвигами можно восхищаться. Достаточно назвать хотя бы один из них. В истории тайного союза он известен под названием "Заговор Альянса". Цель заговора, организованного филадельфами, — покушение на Наполеона. План был разработан самым тщательным образом. Император намеревался ехать в Милан. Маршрут, по которому должна была проследовать его карета, стал известен заговорщикам. "Сто восемьдесят избранных под предводительством офицера по имени Бюге устроили засаду между деревьями Тассеньер и Коленн". Они должны были обезоружить конвой Наполеона, а его самого доставить в назначенное место. "Все было подготовлено настолько тщательно, что не могло быть ни малейшего сомнения в успехе". И если заговор не удался, то исключительно из-за случайности. В последнюю минуту Наполеон решил ехать другой дорогой...

Автор "Истории тайных обществ..." рассказывает об аресте Удэ, его побеге из ссылки, о том, как он руководил операцией по освобождению одного из вождей общества, генерала Моро. Вооруженные филадельфы окружили Дворец правосудия. Они ждали лишь сигнала, чтобы похитить арестованного. Но неожиданно суд вынес "подлое решение", приговорив Моро к небольшому сроку тюремного заклю-

чения и к высылке. Приготовления к вооруженному нападению оказались напрасными.

Рассказывает автор и о гибели бесстрашного руководителя филадельфов. Это случилось в битве под Ваграмом, где Удэ командовал полком. "По особому приказу императора, — патетически восклицает автор, — его послали получить титул барона, генеральские эполеты и семнадцать ран. Он выполнил до конца свою миссию и умер на другой день". Впрочем, дело обстояло будто бы не так просто, как было представлено в официальной версии.

Гибель Удэ, оказывается, была спровоцирована Наполеоном, которому стало известно о заговоре филадельфов. Император решил избавиться от заговорщиков одним ударом. Сделать это было не так трудно, ибо в полку Удэ почти все офицерские должности занимали братья ордена. В этом и заключалась роковая ошибка главы филадельфов. Оплошностью этой воспользовался Наполеон. Во время битвы под Ваграмом Удэ неожиданно получил приказ явиться вместе со своими офицерами в главный штаб армии.

Ничего не подозревавший Удэ поспешил исполнить приказ. В штабе он и все его офицеры — члены тайного общества — попали в засаду и были перебиты. "Сам Удэ, — пишет автор, — умер тремя днями позже от ран. Таким образом были истреблены все филадельфийцы".

Во время похорон главы ордена не обошлось без

эксцессов. Один офицер бросился на острие своей сабли в нескольких шагах от могилы. Другой, служавший под начальством Удэ, застрелился.

Покончив столь удачно с тайным обществом, Шарль Нодье, казалось, мог быть спокоен: ведь ни один из братьев не остался в живых.

Время шло. О филаделфах стали писать другие авторы, как о союзе борцов с тиранией Наполеона.

Однако менее легковверные заговорили о малой достоверности "Истории тайных обществ". Приводили слова генерала, сменившего Удэ на посту командира полка. Он был свидетелем последних минут жизни полковника. "Раненный под Ваграмом, — рассказывал он, — Удэ был перенесен в дом в пригороде Вены. Он умер от ран через несколько дней и похоронен на кладбище того же пригорода". Офицеры его полка положили на могилу каменную плиту. Никто не копал у могилы жизнь самоубийством.

Выходило, что автор книги надсмеялся над доверчивыми читателями? "Ничуть не бывало, — отважно заявил Шарль Нодье, когда его авторство было установлено и отказываться не имело смысла (его соавторами были Р. Базен, П. Дидье, Лемар). — Я всего лишь скомпоновал имевшиеся в моем распоряжении документы". Он даже называл имена тех, от кого якобы получал необходимые сведения о деятельности тайного общества.

Как позже установили, Ш. Нодье действительно никого не мистифицировал, когда утверждал, что

тайное общество филадельфов существовало. Это подтвердил и знаменитый Фуше, министр наполеоновской полиции, который писал в своих мемуарах, что деятельность филадельфов в период империи дала основания для заключения в тюрьму Мале и его сподвижников. Рассказал он и как погиб полковник Удэ, которого заподозрили в измене и в том, что он возглавляет общество "Филадельфов". "Его заманили в западню, — писал Фуше, — где-то в темноте подвели под оружейный огонь. Есть подозрения, что это был огонь жандармов".

Упоминания о "Филадельфах" можно найти во многих мемуарах и документах той эпохи.

Что касается общества "Олимпийцев", то о нем, как свидетельствовал Видок, было известно властям, но деятельность его не вызывала особого беспокойства. Генеральный комиссар полиции в Булони регулярно доносил Фуше о собраниях заговорщиков, полагая, что олимпийцы — всего лишь горстка идеалистов, мечтателей, одержимых масонскими фантазиями. Тем не менее, хитрый и осторожный министр полиции заслал в ряды заговорщиков своего агента. Действовал этот агент весьма успешно. Он близко сошелся с некоторыми олимпийцами, которые сочли за честь представить его товарищам. Завоевав доверие, он добился того, что был даже посвящен в члены. Разумеется, все, что говорилось на их собраниях, тотчас же становилось известно министру.

Об олимпийцах и агенте, засланном в их ряды, Видок узнал от него самого при следующих обстоятельствах.

Однажды Видок стал свидетелем поединка двух военных — вахмистра и сержанта. Во время дуэли сержант поскользнулся и упал в канаву для стока из порсячьего корыта. Послышались насмешки над неудачником сержантом, причем, особенно потешался его противник. Видока возмутила такая наглость, и он бросился на нахала с обнаженной шпагой.

Более ловкий и сильный, лучше владевший шпагой, Видок ранил неучтивца в грудь и, движимый состраданием, стал перевязывать его рану. Для этого разорвал на нем рубашку. Тут-то и обнаружил он на теле раненого зловещий знак обитателя галер. Оказалось, что и тот узнал в Видоке бывшего каторжника. Оба пообещали хранить молчание, а благодарный вахмистр поспешил пригласить обоих своих недавних противников скрепить мировую у "Золотой пушки", где всегда можно было найти превосходную рыбу, жирных уток и отменное вино.

Пропировали весь день. К вечеру остались лишь Видок и изрядно набравшийся сержант. Видок вынужден был проводить его до дома. Благодарный сержант, которого, как оказалось, звали Бертран, настоял на том, чтобы его спаситель посетил его жилище. Видок согласился и был поражен, в каких роскошных условиях жил этот простой сержант. Тот по-

спешил рассеять недоумение новоявленного друга, предложив зарабатывать столько же, сколько имеет и он.

"Вы, может быть, думаете, что я хвастаю и не могу ничего для вас сделать, — сказал он. — Не плюйте в колодец, друг мой. Я не более, как сержант, это правда, но дело в том, что я и не хочу повышения — у меня нет честолюбия, и все олимпийцы таковы же, как я: они мало заботятся о каком-то там чине."

На вопрос, кто такие эти олимпийцы, Бертран пояснил, что это люди, поклоняющиеся свободе и проповедующие равенство. "Не хотите ли и вы сделаться их приверженцем? — спросил он. — Если да, то я готов услужить вам и вы будете приняты". И он подробно рассказал об олимпийцах и их замыслах. Поблагодарив, Видок поспешил отказаться. Он объяснил это тем, что общество обратит на себя внимание полиции, а он не хочет иметь с ней ничего общего. Слова эти, как ни странно, обрадовали Бертрана. Одобрив осторожность и благоразумие Видока, расположенный к откровенности выпитым, он поведал Видоку под строгим секретом, что выполняет в рядах заговорщиков особую миссию. Иначе говоря, является тайным агентом полиции.

Вскоре Бертран исчез из поля зрения Видока. Но сведения об олимпийцах, которые он сообщил, запомнились Видоку. А вскоре многие из олимпийцев были арестованы, видимо, по доносу мнимого сер-

жанта. "Вероятно, он был награжден, неизвестно только, кем, — говорит Видок, — очень может быть, что высшая полиция, довольная его услугами, продолжала поручать ему шпионские миссии, так как несколько лет спустя его видели в Испании, где он получил чин лейтенанта и где на него смотрели не хуже, чем на какого-нибудь аристократа из фамилий Монморанси или Сен-Симона".

СЕКРЕТНЫЙ ОСВЕДОМИТЕЛЬ

Хотя Видок и отказался от предложения стать осведомителем, но мысль, как увидим, запала ему в голову.

Сколько раз он проклинал судьбу, погубившую его молодость, проклинал свои беспорядочные страсти и тот суд, который своим несправедливым приговором поверг его в бездну, из которой он не мог выбраться, проклинал, наконец, все эти порядки, закрывшие двери раскаянию. Он был изгнан из общества, хотя готов был исправиться и давал лучшие доказательства своих благих намерений: всякий раз после очередного бегства он отличался примерным поведением, привычкой к порядку и редкой добросовестностью в выполнении своих обещаний.

Теперь он твердо решил сделаться честным человеком и заработать право вернуться в мир добропо-

Вотрен
Рисунок О. Домье

рядочных людей. В мысли этой он утвердился однажды, оказавшись в Париже на Гревской площади во время казни двух преступников. В одном из них он, к своему удивлению, узнал бывшего друга, замешанного в деле с подделкой документа об освобождении Буателя и предавшего его.

С чувством удовлетворения и ужаса одновременно он слушал слова глашатая, возвещавшего: "Вот приговор уголовного суда департамента Сены, осуждающий на смерть Армана Сен-Лежэ, бывшего моряка, родившегося в Булони, и Цезаря Гербо, освобожденного каторжника, обвиняемых и осужденных за убийство..."

Гербо и был тем самым негодяем, который оговорил Видока.

Между тем смертельно бледный Гербо взошел на эшафот. Он еще старался казаться молодцом, но его выдавало нервное подергивание лица. С видом напускной отваги окинув взором толпу, от готов был опуститься на "качалку", как вдруг заметил Видока. Показалось, что он вздрогнул и на бледном лице проступил румянец. Что подумалось ему в этот миг? Испытал ли он на краю смерти хоть каплю раскаяния? Видок так и не узнал об этом. Он стоял, словно столбенеv, и молча наблюдал, как телега с красным покрывалом в сопровождении жандарма направилась к кладбищу Кламар при больнице на улице Фер-а-Мулен, где со времен французской революции хоро-

нили тех, кто испытал на своей шее действие изобретения доктора Гильотена.

Видоку подумалось, что если бы из тьмы гробовой могли раздаться голоса "жилицов" этого "ужасного погоста", то заговорила бы сама история, вернее, одна из мрачных, постыдных ее страниц, тяжким бременем лежащая на совести человеческой. Послышались бы зловещие вопли убийц и изменников, клейменных каторжников и душегубов, бандитов и грабителей. В любой момент и он, Видок, может оказаться в числе обитателей Кламара, в компании отъявленных негодяев — минутных знакомцев свирепого палача Сансона, который виртуозно в один миг отсечет его голову и, подняв за волосы, покажет ее толпе. Перспектива, что и говорить, невеселая.

Но как избежать такой участи? Как вырваться из того порочного круга, по которому ходит не один год? Зрелище казни встревожило его до глубины души. Словно прозрев, он ужаснулся тому, что много лет имел дело с разбойниками, осужденными на плаху. Воспоминания унижали его в собственных глазах, внутренне заставляя краснеть за себя. Он бы желал утратить память и провести черту между настоящим и будущим. Однако ясно сознавал, что будущее находится в прямой зависимости от прошедшего. И оно, это прошедшее, говорило ему, что в любую минуту он может быть схвачен, как вредное и опасное животное. Мысль о том, что ему никогда уже не удастся

сделаться порядочным человеком, повергала его в отчаяние. И чем больше он думал об этом, тем становился угрюмее, молчаливее и задумчивее. Сам того не сознавая, он, видимо, начинал испытывать чувство раскаяния, подспудно зрело желание навсегда порвать с прошлым.

Но как искупить вину? Как заставить поверить, что он готов исправиться?

Вот тут-то он и вспомнил о предложении того самого сержанта, служившего секретным осведомителем.

Не долго думая, Видок написал письмо жандармскому полковнику о том, что ему известны имена тех, кто недавно совершил кражу в конторе дилижансов. Он действительно знал участников и тщательно описал их внешность, благодаря чему преступники были схвачены. Правда, пока еще он не назвал своего имени и действовал анонимно. Но начало было положено. О нравственной стороне своего поступка, честно говоря, он мало задумывался.

Вскоре представился новый, более серьезный повод оповестить полицию.

Ему стало известно о плане ограбления и убийства, задуманного двумя его друзьями.

Ни минуты не колеблясь, не думая об опасности быть убитым теми, на кого собирался донести, если бы замысел его почему-либо сорвался, либо арестованным полицией, он отправился в парижскую поли-

цейскую префектуру к самому господину Анри – шефу Первого ее отделения, ведавшего борьбой с уголовными преступлениями. Тот принял Видока довольно благосклонно, но заявил, что не может предоставить ему никаких гарантий. "Это не мешает вам сделать разоблачения, – сказал полицейский, – мы обсудим, заслуживают ли они внимания, и тогда может быть..."

Видок попытался было возразить, заявив, что подвергает свою жизнь опасности и что господин Анри не знает, видимо, на что способны злодеи, которых он намерен выдать. Если же его вернут на галеры, то здесь его тоже ждет жестокая кара, так как станет известно о его контактах с полицией.

Разговор этот кончился ничем, так как полицейский отказался давать какие-либо гарантии. Сделка не состоялась, и Видок покинул полицию, не назвав своего имени.

На некоторое время Видок оставил мысль о сотрудничестве с властями. Вынужден был, как и прежде, скрываться, жить под чужим паспортом, каждую минуту ожидая ареста. Он не сомневался в том, что над ним тяготеет проклятие и напрасно бежать от порока, который настигал его. Некая роковая сила, которой он противился всеми силами души, будто издевалась над ним, разрушая все его благие намерения и постоянно подвергая невероятным переживаниям.

Как и предугадывал Видок, к каким бы способам он ни прибегал — носил маску торговца, сбывал краденое, продавал всякое тряпье, — провосудие в конце концов настигло его и в этот раз. Он снова оказался в Бисетре. Встретили его заключенные как признанного главаря уголовного мира, называли генералом, королем риска. Его авторитет был непререкаемым. Про него рассказывали чуть ли не легенды, приписывали то, чего он никогда и не совершал, в частности, дерзкие налеты и убийства. Будто бы не раз спасался от гильотины. Кое-кто объяснял это тем, что ему тайно покровительствовала полиция, иначе говоря, он был ее осведомителем. Этот слух, кем-то специально пущенный среди арестантов, тем не менее не повредил репутации Видока среди преступников. Ему подчинялись, старались угодить, слава его росла, однако, мало утешая его самого. Он жил одной думой — избавиться от компании блатарей и разбойников, которых отныне глубоко презирал. Путь был один — снова попытаться предложить свои услуги полиции. Причем, с условием освобождения от каторги и отбывания положенного срока в любой тюрьме. Он вновь написал господину Анри, предоставив в его распоряжение важные сведения и уверив, что и впредь готов будет поставлять подобного рода информацию.

Анри доложил обо всем префекту полиции барону Паскье и предложение Видока было принято.

После этого его перевели в тюрьму Форс с более легким режимом, а среди заключенных пустили слух, что Видок замешан в одном скверном деле, которое требует дополнительного расследования, поэтому он и должен находиться пока в парижской тюрьме, а не на каторге.

На первых порах Видок помог ликвидировать шайку беглых каторжников, совершавших грабежи и кражи. Причем, действовали ее члены дерзко и нагло, оставаясь долгое время неуловимыми.

По наводке Видока последовал еще ряд арестов воров и бандитов, терроризирующих население столицы. Так что господин Анри мог быть вполне доволен своим новым информатором. Сам Видок скажет позже, что никогда еще не было сделано столько важных открытий, как те, которые ознаменовали его дебют на службе у полиции. Во всяком случае, за двадцать один месяц, что Видок пробыл в тюрьме Форс, благодаря его доносам удалось разоблачить и арестовать многих. Дня не проходило, чтобы он не оказал в этом существенной помощи. И уже тогда принес большую пользу для безопасности столицы и даже всей Франции.

И когда господин Анри доложил префекту полиции о многочисленных разоблачениях и арестах, сделанных благодаря усердию и смывленности Видока, тот согласился наконец освободить его из тюрьмы. Сделать это нужно было так, чтобы никто его не за-

подозрил. И вот однажды со всеми необходимыми предосторожностями, в наручниках, его посадили в плетеную тележку, якобы для того, чтобы перевести в другую тюрьму. По дороге, как было условлено, он должен был совершить побег. Все прошло как нельзя лучше, никто из бывших его дружков и не подумал что-либо заподозрить. Тем более, что полиция, продолжая разыгрывать спектакль, бросилась на его поиски, допрашивала сокамерников, то есть всячески имитировала активные действия.

НОВОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Видоку опостылела жизнь травимого зверя, появилось отвращение к побегам и к той временной свободе, которую они доставляли. Ему надоело играть роль мячика между двумя ракетками, из которых одна именуется каторгой, другая — полицией. Постоянный обитатель каторги становится ее поставщиком.

Это было одно из самых неожиданных и поразительных превращений Видока. Из преследуемого и гонимого обществом он становится его рьяным защитником, навсегда приковывает себя к галере власти. Конкретно ее олицетворяли двое — Анри и Паскье. Видок считал их своими благодетелями и спасителями, был обязан им до конца дней. "Они возвра-

тили мне жизнь, если не более, — говорил он. — Для них я готов был подвергнуть себя тысяче опасностей, и мне поверят, если я скажу, что часто рисковал собою, чтобы добиться от них одного слова похвалы”.

Наконец-то Видок мог двигаться и дышать свободно; ему нечего было больше опасаться. Господин Анри руководил его первыми шагами на поприще сыска, направлял их. Это был человек с твердым характером, хладнокровный, очень наблюдательный, прекрасный физиономист, способный распознать под самой невинной личиной злого негодяя. Его изумительная память поражала. Это тем более было ценно тогда, когда картотеки на преступников еще не существовало. В блатном мире его называли “Сатаной” или “Злым гением”. И он заслужил эти прозвища. В нем соединялись необыкновенная вкрадчивость, казавшаяся подчас кротостью, с изощренной хитростью. На допросе у него мало кому удавалось вывернуться, он словно читал в душах, побуждая к признанию. Прирожденный полицейский, он обладал истинным талантом сыщика и как никто был предан своему делу. Работал без усталости буквально с утра до ночи и даже будучи больным не прерывал своей деятельности. Словом, это был человек, каких мало тогда можно было встретить среди полицейских.

У него имелась пара способных помощников — следователь Берто и начальник тюрем Паризо. И вот эти трое задались целью искоренить разбой в столице,

как когда-то, за двести лет до этого, папа Сикст У закончил с разбойничеством в Италии. Видоку в их планах отводилась едва ли не главная роль. Было принято беспрецедентное решение: поручить Видоку возглавить борьбу с преступностью. Так бывший каторжник оказался в роли охранителя закона.

Перед ним поставили задачу непосредственного осуществления замысла по очищению от преступников Парижа, где тогда проживало около миллиона человек. В самом деле, почему бы и нет? У него за плечами был богатый опыт, полученный за годы заключения, знание уголовного мира, а энергии и предприимчивости ему было не занимать.

Однако задача, поставленная перед ним, тем более была сложной, что в подчинении новоявленного шефа уголовной полиции имелось всего четверо помощников — таких же, как он, бывших заключенных. Так что чаще всего ему самому приходилось участвовать в облавах и арестах.

Первый его крупный успех на новом поприще был связан с именем знаменитого фальшивомонетчика, человека редкой ловкости пальцев — некоего Ватрена. Изготовленные им монеты и банковые билеты в изобилии гуляли по городу.

Пользуясь своими старыми связями в уголовном мире, Видоку удалось установить одно из лежищ Ватрена — квартиру на бульваре Монпарнас, которую он, правда, редко посещал.

Рано или поздно, рассудил Видок, тот пожелает сюда. Он устроил засаду напротив дома и день и ночь сторожил, наблюдал за всеми, кто входил туда и выходил. Через неделю терпение его было вознаграждено. Ватрен появился с одним из своих друзей. Но пока Видок пересекал улицу, Ватрен, почуяв, должно быть, недоброе, исчез. В руки Видока попался лишь его спутник, оказавшийся башмачником. Он быстро раскололся, указав адрес, где живет Ватрен. Бросившись туда, Видок настиг преступника на лестнице. Но в ту минуту, когда он почти схватил его, тот ловким ударом отбросил своего преследователя на двадцать ступеней вниз. Видок, поднявшись, вновь настигает жертву, хватает за волосы, валит на пол. Начинается отчаянная борьба, неизвестно чем бы кончившаяся, тем более, что Ватрен был вооружен револьвером. Наконец победил более сильный и ловкий Видок.

За поимку этого преступника Видок получил денежное вознаграждение. Заработал то, что заслужил, и Ватрен. Осенью 1811 года "Журналь де Пари" сообщил, что Ватрен, приговоренный заочно, схвачен и казнен.

Разоблачениям Видока способствовал не только талант сыщика и знание мира, с которым ему пришлось иметь дело, но и искусство трансформации, не раз выручавшее его в прошлом. Теперь он применял испытанное средство ради иных целей: во вре-

мья охоты на преступников появлялся на парижских улицах, в кабачках и ночлежных домах, в притонах и трущобах под видом уголыщика и водовоза, слуги и ремесленника, одинаково ловко носил костюм аристократа и бродяги. Можно сказать, что в борьбе с уголовниками он избрал способ личного наблюдения. Посещая под чужим именем и переодетым значные места, пользующиеся дурной славой, притворялся, будто его преследует полиция и тем самым входил в доверие. Недаром он долго жил среди отверженных законом, изучил их повадки и нравы, много лет наблюдал жизнь с ее изнанки. Теперь все это здорово ему пригодилось. Воры, бандиты и мошенники всех мастей были убеждены, что он одного с ними поля ягода. Да и как было не верить, когда он свободно изъяснялся на арго -воровском жаргоне, знал неписанные законы блатного мира и мог такое порассказать о своих похождениях, что оторопь брала даже самых закоренелых и опытных. Не было, казалось, оснований сомневаться, что он прошел через тюрьмы Консьержери и Сен-Лазар, видел, как "всех парий гноище хрипел в тоске Бисетр" и был частым гостем на брестской и тулонской каторгах.

Ежедневно Видоку удавалось кого-нибудь да изловить, но никто из арестованных и в мысли не имел, что угодил за решетку по его милости. Даже такой осторожный и хитрый преступник, как Сен-Жермен,

на счету которого было не одно ограбление и убийство.

Сен-Жермен — рослый, с железными мускулами, имел громадную голову с маленькими глазками. Лицо его, изрытое оспой, было крайне некрасиво, но нельзя сказать, чтобы оно отталкивало. Напротив, говорило об уме и живом характере. Однако выдающиеся челюсти придавали ему сходство с волком или гиеной. И действительно, он отличался инстинктом хищного животного, любил охоту, а вид крови приводил его в восторг. Не меньшую страсть он питал к игре, женщинам и вкусной еде. По манерам принадлежал к хорошему обществу, умел поддержать светский разговор и почти всегда был изящно одет. Таких называли тогда "благовоспитанный разбойник" или "разбойник в белых перчатках". В свои 42 года он уже совершил несколько убийств, не став, однако, от этого менее веселым и разлюбезным малым.

Теперь Видок случайно встретился с ним на бульварах.

Видок был с ним знаком ранее. Сен-Жермен пригласил его отобедать и пропустить по стаканчику по случаю встречи. С ним был парень по имени Буден. Когда обед подходил к концу, за десертом, оба приятеля предложили Видоку участвовать третьим в замышленном ими убийстве двух стариков. Сделав вид, что согласился, не без колебания, Видок по-

интересовался их планом. Бандиты охотно поделились с ним, но предупредили, что надо ждать благоприятного момента. Когда он наступит, они сообщат ему.

У Видока было время обо всем предупредить господина Анри и посоветоваться с ним. "Полиция, — сказал Анри, — учреждена не столько с целью карать преступников, сколько для того, чтобы предупреждать злодеяния, всегда лучше подоспеть вовремя".

Согласно инструкции, полученной от Анри, Видок стал часто видаться с Сен-Жерменом, проявляя некоторое нетерпение, поскольку куш намеревались взять изрядный. Наконец он услышал, что исполнение плана назначено на завтра.

Когда Видок явился к месту встречи, а было это за городом, Сен-Жермен неожиданно заявил, что первоначальный замысел отменяется, но есть другое дело, в котором он может принять участие. Вот только есть одно "но". На вопрос, что же это за "но", Сен-Жермен заявил, что ему стало известно от заключенного, сидевшего в тюрьме Форс вместе с Видоком, о том, что его выпустили с условием помогать полиции и что он состоит у нее на службе в качестве тайного агента. При этих словах, вспоминал Видок, он почувствовал, что к горлу подступило удушье, но моментально справился с волнением. Однако надо было что-то отвечать. Не долго думая, он сочинил такую историю: "Ничего нет удивительного, что его

считают тайным агентом и он знает, откуда идет эта сплетня. Да, его должны были перевести в Бисетр. Дорогой он бежал, остался в Париже. И по сей день он вынужден скрываться, часто меняя одежду и даже облик. Но всегда находятся бывшие дружки, которые узнают его. Есть среди них и такие, которые не прочь навредить ему и даже передать в руки полиции. Так вот, чтобы лишить их такой возможности, он и заявил им, что состоит у той самой полиции на службе”.

Сен-Жермена вполне удовлетворил ответ и в качестве доказательства своего доверия он посвятил Видока в план одного дела, которое предстояло обделать тем же вечером. Состояло оно в том, что Сен-Жермен с двумя дружками наметил ограбить дом одного банкира. Видок должен был стать четвертым участником.

”Друзья мои, — обратился к ним Сен-Жермен, когда все они собрались вместе, — когда ставишь на карту свою голову, надо быть осмотрительным. Сегодня нам предстоит крупное дело и не хотелось бы, чтобы оно сорвалось. Надеюсь, никто не будет внакладе, но ради нашей же безопасности мы не должны расставаться”. Слова эти обескуражили Видока, совершенно не ожидавшего такого поворота. Они означали, что ему волей-неволей придется участвовать в ограблении, а главное, он не сумеет предупредить полицию. И все же он не терял надежду — у

него оставалось еще два часа до намеченного грабителями срока.

Но что предпринять? Как предупредить полицию?

Между тем вся компания, взяв фиакр, направилась на квартиру Сен-Жермена, где и оказалась запертой под замком до начала выхода на дело.

Видок лихорадочно искал повод, чтобы выйти из комнаты, но никак не мог придумать какой-либо предлог.

Если бы Сен-Жермен заподозрил его, он не задумываясь пустил бы ему пулю в лоб.

Делать было нечего, оставалось ждать.

На столе были приготовлены две пары пистолетов. Сен-Жермен, осмотрев их, одну пару нашел непригодной. "Схожу за новыми", — сказал он. Тут вмешался Видок: "Постой-ка, по условию никто не должен отлучаться отсюда, а уж если выходит, то с провожатым". "В таком случае, — согласился Сен-Жермен, — ты пойдешь со мной".

Они вышли, купили новые пистолеты, пули и порох и вернулись. И тут сам главарь, можно сказать, подыграл Видоку. Он предложил выпить. Все дружно поддержали его. А когда Видок объявил, что у него дома припасена корзина превосходного бургундского, восторг стал еще больше.

Тут же послали дворника к Видоку домой, где он жил с Аннетой, своей, можно сказать, тогдашней

женой. Вскоре она явилась с угощением. Пока дружки его весело пировали, он написал записку и незаметно, прощаясь, сунул ее в руку Аннеты. Она не медлила все выполнить так, как он написал ей.

Теперь важно было, чтобы полиция подоспела вовремя.

Между тем наступил назначенный час, когда грабители наметили начать действовать. Все направились к дому банкира. У столба, который должен был служить им лестницей, Сен-Жермен спросил у Видока пистолеты и ему показалось, что тот разгадал его намерения и хочет покончить с ним. Но Сен-Жермен лишь проверил порох на полке и, возвратив оружие, первым полез на столб, с него перелез на стену сада и прыгнул вниз.

Видок, не торопясь, явно затягивая время, медленно вскарабкался на стену. Его беспокоило, успела ли полиция устроить засаду? Если нет, он решил предотвратить преступление во что бы то ни стало, пусть даже ценой жизни.

В этот момент Сен-Жермен, раздосадованный медлительностью Видока, закричал: "Слезай скорее". Едва он вымолвил эти слова, как на него набросилось сразу несколько человек. Раздались выстрелы, началась свалка, крики. Как потом выяснится, некоторые полицейские, Сен-Жермен и Буден были ранены. Видок счел за благо притвориться, будто пуля поразила его насмерть. Его завернули в одея-

ло и перенесли в дом, где уже под стражей и в ручных кандалах находились налетчики. Оба они, казалось, были глубоко опечалены гибелью их дружка. Видок же, вспоминая слова Анри о том, что всегда лучше подоспеть вовремя, радовался, что выполнил наказ наставника.

НАЧАЛЬНИК СЮРТЭ

Контора Видока располагалась на улочке Святой Анны, неподалеку от префектуры полиции. Дом был мрачный, запущенный, но это не смущало тех, кто здесь служил. Все они привыкли к более худшим условиям, ибо помощников себе Видок набирал из бывших уголовников, прошедших тюрьмы и каторгу. Таков был принцип, которым он руководствовался: "Побороть преступление сможет только преступник".

Вначале "банда Видока", как в шутку стали называть его бригаду, состояла всего-навсего из четырех человек, только потом их стало двенадцать. До этого платным агентом был всего лишь один человек по имени Гафре. Жалованье они получали из секретного фонда.

С такой горсточкой людей Видок умудрялся в год арестовывать по несколько сотен убийц, воров, взломщиков, грабителей и мошенников — поистине

титанический труд. Так, только за один 1817 год было взято под стражу семьсот семьдесят два преступника, в том числе многие знаменитые уголовники, долгое время державшие в страхе всю столицу. Таков был, например, приговоренный к пожизненной каторге и сбежавший оттуда Фоссар. Он считался самым искусным, самым ловким и самым опасным. Как никто умел подделать ключи, владел искусством переодевания и грима, был всегда вооружен.

Фоссар смолоду вступил на поприще порока. Начал мелким воришкой, со временем став вором высшей квалификации, заслужив лестное прозвище царя воров. Сравниться с ним могли немногие. Пожалуй, подстать ему был лишь авантюрист Антельм Колле, тоже обладавший даром перевоплощения и тоже окончивший свои дни на каторге. Этот дерзкий мошенник, которого много лет тщетно пытались изловить, появлялся в облике епископа и в сутане монаха, в мундире генерала и простого офицера, похищал крупные суммы и исчезал.

Долгое время не удавалось взять и Фоссара. Тогда обратились к Видоку. Он пообещал к новому году сделать префекту подарок и изловить негодяя.

Но как напасть на след опытного и хитрого преступника в многолюдном городе? Сведения о нем были самые незначительные. Знали приблизительно квартал, где он мог проживать и что с любовницей Фоссара дружит какая-то горбуня.

Видок решил пойти по этому зыбкому следу и прежде всего разыскать горбунью.

Приняв вид почтенного, пожилого господина, для чего потребовалось гримом нанести несколько морщин, надеть напудренный парик и треугольную шляпу, а в руку взять трость с золотым набалдашником, Видок стал обходить дом за домом, надеясь встретить горбунью.

Прошло несколько дней упорных поисков, а та, кого он искал, все еще не попадалась ему. Он уже было отчаялся и разуверился в удаче, как вдруг встретил ее на улице Карро.

Изобразив обманутого мужа, он пояснил, что ищет свою непутевую супругу, убежавшую с чело-
веком, портрет которого тут же описал. Растроган-
ная горбунья призналась, что пара, которая его ин-
тересует, еще недавно жила в этом доме, но теперь
переехала. Адрес можно узнать у хозяина дома, где
она живет. Начало было неплохое. Продолжая разыг-
рывать обманутого мужа, Видок сумел разузнать
заветный адрес. Это было 27 декабря, до нового года
— срока, когда он пообещал преподнести свой пода-
рок, — оставались считанные дни.

Сменив платье зажиточного буржуа, он превра-
тился в угольщика и в таком виде появился у дома,
где скрывался Фоссар со своей любовницей, выда-
вавшей себя за мадам Азар, его жену, — фамилия,
которую присвоил себе преступник.

Видок знал, что Фоссар вооружен и не преминет пустить оружие в ход. Ему же совсем не улыбалось получить пулю в лоб.

Наступило 31 декабря.

Вечером Видок начал действовать. Он расставил на улице своих агентов, а сам отправился к хозяину дома, которому объявил, что жилицы супруги Азар хотят его ограбить и необходима помощь, чтобы предупредить их замысел. "В чем она должна состоять?" — спросил тот. Видок, указав на племянника хозяина дома, мальчика лет десяти, жившего тут же, пояснил, что ребенок поможет открыть дверь в квартиру злоумышленников.

Через некоторое время в дверь мнимых супругов Азар позвонили. На вопрос, кто там, детский голос ответил: "Это я, Луи, мадам Азар. Моей тетушке сделалось плохо, не найдется ли у вас одеколона. Ей очень нехорошо".

Дверь приоткрылась, и в тот же миг два агента схватили подружку Фоссара, заткнув ей рот платком. Видок молнией ворвался в комнату и в одну минуту связал изумленного бандита, прежде чем тот успел сделать хотя бы одно движение. Кинжал и пистолеты остались лежать на ночном столике. Обыск, произведенный в квартире, принес столько неожиданного, что даже выдавшие виды агенты были поражены. Золотые вещи, драгоценности и бриллианты — всего на огромную сумму.

Свое обещание Видок сдержал и обещанный к новому году подарок преподнес в срок — 1 января 1814 года.

Случалось Видоку задерживать и укрывателей краденого, и мошенников, обезвреживать целые шайки бандитов, насчитывавшие до двадцати человек. Уголовники люто ненавидели его, грозили расправой и не раз покушались на его жизнь. Не влюбились его и свои же полицейские. Они ревновали к его успеху, завидовали ловкости и удачливости, не раз пытались оклеветать, распуская слух, будто он действует заодно с ворами, получая от них свою долю. В то же время сами вступали в сговор с преступниками, выдавая планы Видока, то есть предупреждая их, как например, поступил полицейский Нансо, арестованный за это и приговоренный к каторге.

Между тем авторитет Видока у начальства продолжал расти, ему поручали самые сложные дела, самые опасные, и он всегда успешно справлялся с ними. Тем не менее по-прежнему числился тайным агентом. Конечно, эта должность вроде бы гарантировала ему свободу, он более не подвергался всем тем опасностям, которым подвержен беглый каторжник, но пока ему все еще не было даровано помилование. Это означало, что свобода его относительна, так как в любое время его могли лишить ее. Не забывал он и о том, какое презрение питали к занимаемой им должности. Однако по зрелому размыш-

лению заключил, что тяготившие его мысли — не более как предрассудок.

Разве он не рисковал ежечасно своей жизнью в интересах общества? Разве не вступался за честных людей, избавляя их от злодеев? Он раскрывал преступления, предотвращал их, спас не одного человека от смерти и ограбления, и его же ненавидели и презирали! Но совесть его была чиста, вину свою он искупил, сознание этого помогало переносить несправедливость и неблагодарность. И только когда Видока назначили руководить всем сыском, то есть когда он стал начальником Сюртэ — криминальной полиции, — он мог считать, что наконец добился известного признания и благодарности.

Известие о назначении Видока главой полицейского сыска повергло уголовный мир в панику. Всем была известна его личная энергия, но до этого он действовал, можно сказать, почти в одиночку. Что же будет, когда он возглавит целую бригаду агентов! Тем более, что помощников себе он вербовал из бывших рецидивистов.

Среди них самым талантливым на поприще сыска станет Коко-Лакур, заменивший позже Видока в его должности, а тогда ставший его правой рукой.

Чтобы лучше представить себе, с кем работал Видок, стоит познакомиться с биографией хотя бы Коко-Лакура.

Отец его был портным, исполнявшим вместе с тем обязанности дворника. Рано остался сиротой, воспитывали его соседки модистки, не отличавшиеся благонравным поведением. Он рос среди мошенников. В двенадцать лет первый раз попался на краже кружев. Сызмальства познакомился с тюрьмами Форс и Бисетр, где числился опасным и неисправимым вором. В тюрьме сошелся с одним приговоренным к каторге, человеком образованным. Он стал давать ему уроки, научив писать и читать и преподавая правила хорошего тона. С тех пор кстати и некстати он употреблял изысканные выражения, производя впечатление вежливого и обаятельного. Он страстно любил роскошь, нарядную одежду и драгоценные украшения, на нем всегда была навешана целая коллекция цепочек и брелоков. Был он также лицемерен и хитер, как сто чертей, напоминая Тартюфа. И еще была у него одна страсть — рыбная ловля. Видимо, это увлечение и привело его на поприще сыска, где он мог заняться ловлей рыбы более крупной, чем речная.

Таких помощников у Видока, начальника Сюртэ, насчитывалось, правда, чуть более двадцати человек. На них расходовалось более 50 тысяч франков, сам же Видок получал жалованье в пять тысяч.

Большинство из его агентов навсегда порвали с прошлым и он, не колеблясь, мог бы доверить каждому из них большие суммы, не требуя расписки и

даже не пересчитывая деньги. Один из его подручных пустил себе пулю в лоб, когда имел несчастье проиграть доверенные ему пятьсот франков. Вообще говоря, Видок был полон благих намерений и всерьез думал не только очистить город от уголовников, но и перестроить всю систему карательных мер и наказаний, до этого, по его мнению, столь нелепую и малоэффективную. Он хотел улучшить режим в тюрьмах и на галерах, так как по себе знал, как тюрьма уродует, лишает человеческого достоинства, как озлобляет, особенно тех, кто оказался там впервые, а часто и за ничтожную провинность — кражу куска хлеба и кочана капусты.

Кое-кто, правда, приплюсовывал к его жалованью и деньги, якобы получаемые им за работу по совместительству на поприще политического сыска. Видок решительно отмежевывался от того, что он будто бы состоял на службе у политической полиции и выполнял функции политического шпиона. Он всегда питал глубокое презрение к такому сыску. И хотя по роду занятий ему случалось иметь дело с агентами политической полиции, он всячески подчеркивал, что никак не следует смешивать их с сыщиками, преследующими воров и мошенников. Все остальные преступники — бунтовщики и заговорщики — были не по его части. И никакие посулы и соблазны не могли заставить его действовать вопреки принципам.

Раздавались голоса и о том, как можно доверять "банде Видока", когда она сплошь состоит из бывших карманников и прочих уголовников. Не значит ли это подвергать жизнь граждан и их имущество опасности? Тогда Видок, решивший положить конец этим подозрениям и зажать рот тем, кто распространялся на этот счет, приказал своим людям отныне постоянно носить замшевые перчатки, и что первого из них, кого увидит без перчаток, немедленно уволит. Даже малосведующие понимали, что "работать" в перчатках никакой карманник не сможет.

Между тем слава Видока росла. Да и как могло быть иначе, когда на его счету было уже более семнадцати тысяч задержанных преступников. Среди них не только безвестные воры и мошенники, но и уголовники, чьи имена наводили ужас на весь город. Ему удалось раскрыть несколько краж, совершенных в апартаментах принца Конде, у маршала Бушю, в музее Лувра, где был задержан граф де Руссийон, карманы которого оказались набиты драгоценностями, и в других домах аристократов и банкиров. Но самыми невероятными стали его разоблачения среди знати, наделавшие много шума.

Как гром среди ясного неба обрушилось на парижан известие, что граф де Сент-Элен, приближенный ко двору и пользующийся покровительством самого герцога Беррийского, никакой не граф, а самый

настоящий беглый каторжник. Это уж слишком, заявляли скептики, нужны доказательства. И Видок рассказывает о том, как ему удалось разоблачить мнимого графа.

Ему показалось, что тот живет явно не по средствам, на широкую ногу. У него нет ни земли, ни ренты, он не играет на бирже и вообще не занимается никакой полезной деятельностью, которая приносила бы доход. Не извлекает ли он средства из какого-то подпольного бизнеса? Видок начал собирать сведения о нем. Он узнает, что граф объявился в Париже еще в 1814 году, вскоре после падения Наполеона и начала Реставрации. И чуть ли не сразу же на него полился целый дождь всяческих милостей. Он и член Почетного легиона, и кавалер ордена св. Людовика, и возведен в чин полковника. А что же было до этого?

Видок разматывает биографию графа назад, в 1801 год. Именно в тот год некий Куаньяр, сын крестьянина, был приговорен к четырнадцати годам и отправлен на галеры в Тулон за то, что обчистил своего благодетеля графа Монтасье, а заодно и ростовщика, у которого выкрал сто тысяч экю. Бежал в Испанию, жил воровством и мошенничеством. Когда французы вторглись в страну, вступил в их армию под именем графа де Сент-Элен, документами которого завладел. Вместе с солдатами вернулся на родину. Во время Ста дней он еще служит Наполеону и предлагает услуги его военному министру Даву.

Почувяв близкий крах узурпатора, предпочитает переместиться на сторону Бурбонов. Теперь он всех уверяет, что будто бы сражался на стороне испанских борцов, служил роялистам и вообще всегда симпатизировал Людовику XVIII.

Мнимый граф – порождение общества, где, по словам Бальзака, "честностью нельзя достичь ничего", – усвоил главное правило этого общества: "в него надо врезаться пушечным ядром или проникать, как чума". Бывший вор пробрался в высший свет, сменив красную куртку и зеленый колпак каторжника на щегольский офицерский мундир. Но самое поразительное, что бывший уголовник не изменил своему ремеслу: псевдограф возглавлял успешно орудовавшую шайку воров. Вот откуда его доходы и возможность жить на широкую ногу. Нюх сыщика не подвел Видока.

Казалось, просто разоблачить самозванца. Видок докладывает префекту о своих изысканиях. Но к его удивлению, тот не разделяет азарта сыщика. "Подумайте, – говорит ему глава полиции, – ведь речь идет о фаворите герцога Беррийского, протеже короля, военного министра, графа де Жуине и других! Зачем нам скандал?"

Видок подчиняется, однако негласно продолжает расследование. Он устанавливает, каким образом "графу" удалось заполучить орден Почетного легиона. С помощью подделки документов и подкупа но-

тариуса. И при этом он не умел даже правильно писать.

Но чтобы разоблачить его полностью и сломить сопротивление начальства, Видоку нужно доказать свою версию. Он находит бывшего каторжника, который знал Куаньяра по заключению. И однажды незаметно подстраивает с ним встречу. Бывший каторжник Дориус не сомневается, что Сент-Элен не кто иной, как его дружок по Тулону, сбежавший с галер.

А как будет реагировать Сент-Элен, то бишь Куаньяр, на встречу со своим старым знакомым? Дориус навещает "графа", но тот притворяется, что видит его впервые и изгоняет из дома. Тогда Видок извещает обо всем, что ему известно, военные власти Парижа в лице генерала Депинуа и убеждает встретиться с Дориусом. Генерал вызывает к себе господина де Сент-Элен, допрашивает несколько часов, убеждаясь, что Видок прав. Куаньяра берут под стражу в комендатуре. На следующий день ему разрешают отправиться к себе домой, чтобы привезти необходимые для своего оправдания документы. Его сопровождают двое жандармов.

По дороге Куаньяру удастся убедить своих сопровождающих в своей полной невиновности. Дома он распоряжается принести бутылку "Аликанте", и они распивают ее в присутствии графини де Сент-Элен. Куаньяр заявляет, что ему требуется сменить

белье и собрать нужные бумаги. Жандармы соглашались, и "граф" выходит из комнаты. Проходит час, но он не возвращается. Переодевшись в платье слуги, он скрылся по потайной лестнице.

После такого саморазоблачения Видок получает картбланш и бросается на поиски. Он выходит на членов одной банды, занимающейся кражами в богатых особняках. След приводит его на улицу де-Мор, где у друга укрылся Куаньяр. В операции по задержанию участвуют сам Видок, его помощники Фуше и мадам Жерар (переодетая в мужское платье) и восемь агентов. Дом, где укрылся Куаньяр, — это настоящее логово воров и убийц. Взять его здесь будет нелегко. И когда агенты во главе с Видоком врываются, их встречают пистолетными выстрелами. Видока ранили в руку, но самозванца все же захватили. Вскоре он был повешен.

Не менее сенсационным стало еще одно разоблачение, сделанное Видоком.

Однажды Видок вместе со своим помощником стоял у цветочного павильона на площади Карусели. Их внимание, как, впрочем и всех вокруг, привлек вышедший из павильона господин. Это был важный вельможа, весь увешанный орденами, в мундире с галунами и золотым шитьем. Но для опытного сыщика — не все то золото, что блестит. Видок и его агент, к своему удивлению, узнали в разряженном господине бывшего обитателя тулонской каторги. Ошиб-

ки быть не могло, оба они встречали его там. В уголовном мире он был известен своими частыми побегами. Звали его Шамбрей. Впервые был осужден на три года еще во время Итальянской кампании за подделку подписей поставщиков. У него был на это замечательный талант. Из тюрьмы он бежал и объявился в Париже, где принялся за старое. Был схвачен снова, получил восемь лет каторги и снова совершил побег. Впоследствии не раз еще попадал за решетку, освобождаясь тем же способом. И вот он стоял перед Видоком собственной персоной.

Когда Видок с агентом подошли и объявили, что он арестован, Шамбрей обрушил на них лавину своих титулов и званий.

— Знаете ли вы с кем разговариваете? Да еще в подобном тоне. Я маркиз Шамбрей, управляющий королевского двора, начальник дворцовой полиции! Вы дорого заплатите за такую дерзость и наглость!

На предложение Видока следовать за ними он потребовал немедленно оставить его в покое и убираться.

— Охотно, — отвечал Видок, — но только вместе с вами. И так как тот сопротивлялся, его силой посадили в фиакр и доставили в полицию. Дорогой он продолжал угрожать и даже в присутствии господина Анри, нисколько не смущаясь, высокомерным тоном требовал освободить его, пугая своими связями и должностями.

Видок явно рисковал. Ведь если бы ему не поверили или просто испугались бы всемогущего вельможу, осыпанного милостями при дворе, вся вина обрушилась бы на него. Нужно было срочно подкрепить свое обвинение какими-либо вескими уликами. Необходимо было произвести на дому у Шамбрея обыск. И когда, получив разрешение, Видок приступил к нему, результаты превзошли все ожидания. Обнаружили кучу поддельных документов, бланков, официальных бумаг, чистых листов с печатью "Королевская полиция", "Военное министерство", подложные письма, чистые бланки назначений на должности.

Приговорили его к пожизненным работам.

Приблизительно в то же время яркой "звездой" преступного мира считался некий Саблен — человек атлетического сложения, искусный вор, за которым охотились не один год. Видок взялся его найти и арестовать. Тем более, сам Саблен заявил как-то, что поймать его мог бы только Видок, который один знал его в лицо, но пусть не надеется. И действительно, задача была не из легких. Саблен искусно скрывался. Более года ушло на то, чтобы напасть на его след.

Наконец Видок узнает, что Саблен укрылся где-то в Сен-Клу. Прибыв туда ночью, Видок тут же поспешил проверить, верны ли полученные им сведения о рослом жилище, восемь дней назад поселившемся с женщиной в здании мэрии. Утром Видок вместе

со своим агентом незаметно проник в дом. Навстречу ему по лестнице спускалась женщина. Заметив его, она опрометью бросилась назад, закричав: "Здесь Видок!" Несколькими прыжками он достиг двери в комнату и, прежде чем Саблен успел опомниться, надел на него ручные кандалы. Женщина, однако, продолжала кричать. Но теперь уже по другой причине. У нее начались роды. Что было делать? Оставить арестованного и отправиться за акушеркой? Это было бы рискованно. И Видок принимает смелое решение. "Уверяют, что Людовик XIV принял роды у мадам де Вальер. Могу вас заверить, что сумею и я принять роды у мадам Саблен", — успокоил он ее мужа.

Он надевает фартук, засучивает рукава, моет руки и помогает женщине произвести на свет менее чем за двадцать пять минут упитанного мальчугана. Обмывает ребенка, пеленает его, укладывает рядом с матерью и приступает к акту регистрации о рождении, благо все происходит в здании мэрии. Мать просит тут же окрестить свое чадо и предлагает Видоку быть крестным отцом. Соседка будет крестной матерью. Видок согласен. Из собственного кармана уплачивает за церемонию и торжественный завтрак по случаю рождения маленького Саблена.

А папашу увозят в Париж, чтобы приговорить к пяти годам заключения.

Когда он вышел из тюрьмы Форс, где стал при-

вратником и умудрился скопить кое-какие деньжонки, его супруга сидела в Сен-Лазаре за мошенничество. То ли с горя, что остался один, то ли еще почему Саблен в один прекрасный день отправился в игорный дом и спустил там все дочиста. А двумя днями позже его нашли повесившимся в Булонском лесу на дереве в так называемой "Аллее воров".

МЕМОАРЫ СЫЩИКА

На парижской улице Сент-Луи в начале двадцатых годов прошлого столетия часто можно было видеть хорошо одетого господина. Высокий рост, широкие плечи и развитая мускулатура свидетельствовали о незаурядной силе. Наружность его не лишена была приятности: огненно-рыжая шевелюра, голубые глаза, чуть улыбающийся рот, лицо властное, запоминающееся.

Обычно он пользовался кабриолетом, сзади которого восседал лакей — здоровый детина. Но иногда господин, возбуждавший любопытство всей улицы, позволял себе прогуляться пешком. Тогда в глаза бросалась шпага с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, а под тканью его костюма угадывались очертания пары пистолетов. Видимо, человек этот чего-то опасался и вынужден был принимать меры предосторожности.

Никто из соседей по улице толком не знал даже, как его зовут. Называли просто "господин Жюль". И никому в голову не приходило, что под этим именем скрывается всемогущий начальник сыскной парижской полиции Видок, имя которого в свое время было известно в любой тюрьме Франции.

В 1827 году префектом полиции становится Делаво. У Видока с ним сразу же не сложились отношения. Конфликт углублялся и было ясно, что назревал разрыв между ними. Шеф стал придирается, упрекать в том, что сотрудники Видока вне службы ведут себя неподобающим образом, отказываются, например, посещать церковь. Все это говорилось таким тоном, что Видок в конце концов не выдержал и заявил, что подает прошение об отставке. В нем он писал: "Восемнадцать лет я служу в полиции и никогда не получал в свой адрес упреков со стороны Ваших предшественников. После Вашего назначения мне уже второй раз приходится выслушивать от Вас нарекания по поводу поведения моих агентов. Могу ли я отвечать за их поведение вне службы? Конечно, нет. Чтобы лишить Вас возможности, месье, и в будущем обращаться ко мне с подобными претензиями, которые мне неприятно слышать, я имею честь просить Вас принять мое прошение об отставке".

Через пару дней в прессе появилась короткая заметка о том, что полицейский комиссар посетил

Видока и сообщил ему, что по приказу префекта полиции его на посту шефа Сюртэ заменит мсье Лакур, до этого являвшийся заместителем Видока.

В тот же день Видок уехал в свой загородный дом. Вслед ему газеты писали: "Отставка шефа полиции Сюртэ уже вызвала немало различных догадок. По надежным сведениям, такие изменения следует отнести к снижению активности самого Видока, который, достигнув определенного материального благополучия, уже в течение некоторого времени сам желал быть освобожденным от выполнения своих обязанностей.

Если верить пока не подтвержденным слухам, то Видок после своей отставки, получил не пенсию, а благодарственное письмо. Как бы то ни было, но, как мы уже сообщали, Видок тут же в роскошном экипаже отправился в свой деревенский дом в Сент-Манде. Завтра, возможно, ему уже будут досаждают издатели. Кто же тот счастливец, которому удастся заполнить мемуары Видока?"

Пенсии Видока так и не удостоили, выплатили лишь компенсацию в размере трех тысяч франков. Что касается мемуаров, то газеты не ошиблись. Чуть ли не сразу же он засел за воспоминания. Издатель Тенон поспешил закупить их "на корню", заплатив за столь ходкий товар (мемуары сыщика!) 24 тысячи франков. Пятую часть суммы Видок получил в виде аванса. Дабы ускорить дело, издатель на-

нял ему помощника, обычного бумагомараку, журналиста с бойким пером. Видок не удовлетворен его работой — слишком много фантазии и домыслов привнес тот в текст. Но и сменивший первого второй журналист, нанятый издателем, не устраивает Видока. По контракту он должен написать два тома. Однако материала у него столько, что хватит на целую серию. Этим пользуется Тенон и фабрикует третий и четвертый тома, полные отсебятины и всяких домыслов. Тогда Видок подает на издателя в суд. Это не помешало ему изрядно заработать на своих мемуарах — целое состояние, несколько миллионов в пересчете на сегодняшние деньги. Благодаря этим воспоминаниям слава Видока-мемуариста быстро превзошла ту, что он заработал, будучи сыщиком. Его переводят на многие языки, он становится европейской знаменитостью.

Подзаработали на нем и бойкие журналисты. Появляются якобы им написанные "Мемуары бывшего каторжника", "Приложение к мемуарам Видока" и т.п. Что касается подлинных его записок, то можно только сожалеть, что он выпустил их слишком рано. После 1827 года, когда они появились, ему предстояло прожить еще целых тридцать лет. И годы эти были столь же насыщены приключениями, как и первая половина его жизни.

В Сент-Манде Видок ведет образ жизни сельского хозяина, приобретает земли, строит новый дом —

целое поместье, создает фабрику по производству бумаги.

Рабочих он нанимает из бывших каторжников, которые, освободившись, не могли заработать себе на хлеб — их отовсюду гнали, опасаясь принимать на работу. В результате воры вновь вынуждены были браться за старое. Видок хотел доказать ослепленному ненавистью и предрассудками обществу, что бывшие заключенные могут вести честную жизнь и быть полезными.

Когда мемуары Видока вышли в свет и их прочли, возник вопрос, отчего в них ничего нет о его частной жизни? Многие пытались проникнуть в эту, как казалось, его тайну. Но за исключением близких друзей эта сторона его жизни так и осталась неизвестной. И даже сегодня ее с трудом удастся восстанавливать по документам и запискам современников.

Отсутствие таких сведений, как это обычно бывает, компенсировали слухами и разными домыслами. Его враги пользовались этим, сочиняя небывлицы о его альковных похождениях, будто иные ему отдавались из-за страха, а его дон-жуанский список включает сотни женщин — сущий гарем султана Видока.

Конечно, он не был анахоретом и не раз переживал любовные драмы. Известно, что одна любовница покончила жизнь самоубийством из-за его неверности, тот же путь избрал один чиновник, когда узнал,

что жена изменяет ему с Видоком. Вообще-то говоря, он предпочитал общаться с актрисами и модистками, чьи притязания не столь обременительны. В сорок пять лет Видок женился на Жанн-Виктуар Герен, тридцатилетней вдове. Брачное свидетельство раскрывает тайну состояния Видока — 24 миллиона нынешних франков. Четыре года спустя жена умерла. В том же 1824 году он похоронил горячо любимую мать. Вскоре в "гареме" султана Видока появляется Флерид-Альбертин Манье, его тридцатилетняя кузина. Он женится на ней шесть лет спустя. Она станет настоящим другом и помощником, разделит все его невзгоды и горести, которые обрушатся на него.

Настает грозный 1830 год — Июльская революция, затем год 1832 — вновь восстание. Власть Луи-Филиппа висела на волоске. В эти дни вспомнили о Видоке. Ему предлагают вновь возглавить Сюртэ. Подумав, он соглашается. Под его началом все те же двадцать агентов из бывших уголовников, призванных помочь установить порядок в городе. Пожалуй, только они и сохраняли в те бурные и тревожные дни мужество и стойкость. Недаром склонный к парадоксам Стендаль говорил, что только на галерах можно найти людей, обладающих великим качеством — силой характера.

Небольшой отряд Видока успешно действует против восставших. Стоит только защитникам баррикады узнать Видока, как раздаются крики: "Это —

Мек! Спасайся, братцы!" ("Мек" на арго означает "хозяин", "пахан"). Позже про Видока скажут, конечно, преувеличивая, что он спас королевство.

Не успела отгреметь буря, как на Видока обрушилась оппозиционная пресса. Такой оборот совсем не устраивает префекта полиции Жиске. Он готов отказаться от его услуг. Но как сделать, чтобы это не выглядело черной неблагодарностью по отношению к "спасителю" режима? И тогда приходит решение: слить Сюртэ с муниципальной полицией. Естественно, Видок не может этого стерпеть. Он пишет префекту: "Имею честь сообщить Вам, что болезненное состояние моей супруги обязывает меня быть возле нее, присматривая за ней и моим домом... Должен просить Вас о принятии моей отставки..."

В газетах печатают сообщение о том, что, по утверждению некоторых, у Видока наблюдается психическое расстройство. На другой день появляется, однако, опровержение: "Мы были неверно проинформированы. Как сказал нам сам Видок, он еще в меньшей степени умалишенный, чем прежде..." И скоро он это блестяще докажет.

СХВАТКА С ПОЛИЦИЕЙ

Не хотите, чтобы он возглавлял официальную уголовную полицию, — пожалуйста, но тогда он создаст свою, частную. Такого еще не бывало. Но Видок был человеком слова: сказано-сделано. И вот на улице Нев-Сент-Юсташ появляется его контора "Бюро расследований в интересах торговли". "Я очистил столицу от воров, которых в ней было видимо-невидимо, теперь могу очистить от мошенников торговлю".

Задача новой организации (первой такого рода в мире) — защищать предпринимателей от аферистов и рыцарей легкой наживы. Каждый заинтересованный должен подписаться на услуги бюро и уплачивать взнос по двадцать франков в год. "Подписывайтесь на наши услуги, — призывает он, — и вы никогда не станете жертвой аферистов и прочих мошенников. Мы вовремя предупредим вас об опасности и позаботимся, чтобы поймать вашего обманщика".

Год спустя у него уже четыре тысячи подписчиков — это коммерсанты, промышленники, банкиры. Отделения бюро возникают в провинции, за рубежом. Доходы Видока исчисляются миллионами. Пресса трубит о его полицейских успехах.

Газеты оппозиции оставляют его в покое, зато префектура с улицы Жерузалем не собирается спускать новоявленному конкуренту.

Утром 28 ноября 1837 года четыре полицейских комиссара и двадцать агентов появляются у дверей Бюро и врываются в помещение. Первое их впечатление — это удивление. Роскошные апартаменты, чистота и порядок, у входа рассыльный, в прихожей ливрейный лакей. Но вконец их обескуражил кабинет Видока — сочетание богатой обстановки, комфорта и отменного вкуса.

Видок не сопротивляется. Он знает, кто стоит за спиной полиции. Те, с кем воюет не один год, те самые аферисты и мошенники, дельцы, как сегодня мы бы сказали, теневой экономики.

В руках полиции оказывается около четырех тысяч документов.

— Где остальные? — допытываются агенты.

— У меня в голове! — невозмутимо отвечает Видок.

Не поверив, полицейские отправляются к нему на улицу Пон-Луи-Филипп и там захватывают еще более двух тысяч бумаг. Это личный архив Видока за период с 1811 по 1827 годы.

Видок пишет в газеты, протестует, направляет жалобу королевскому прокурору. Он уповает на закон, надеется, что суд не осмелится поддержать столь явный произвол. Однако понимает, что лучший способ защиты — нападение. Он нанимает знаменитого адвоката Шарля Ледру и подает в суд на префекта полиции и действия его подчиненных.

Полиция отвечает тем, что бросает его в тюрьму Сент-Пелаги.

Судебное следствие привлекает 350 свидетелей. Дело ведут знакомые ему судьи, на чью беспристрастность он может рассчитывать. На допросе он говорит о том, что в Париже тьма дельцов и мошенников, обделяющих свои незаконные махинации. Они всюду, их можно встретить на самых высоких постах, они носят громкие титулы, увешаны орденами. Всех их он знает и может назвать. И они об этом знают, вот и решили припугнуть.

Публика, взбурдаженная этим событием, с нетерпением ожидает неслыханного судебного процесса. Но тех, кто рассчитывал на спектакль, ждет разочарование — Видок признан невиновным и освобожден из тюрьмы.

Ему в это время шестьдесят три года, казалось, можно подумать и об отдыхе. Но не таков был Видок. В его голове полно планов и замыслов, пожалуй, он даже более активен, чем раньше. Его агенты, работающие на Бюро, находятся в каждом департаменте, а также в Кельне и Ахене, Брюсселе и Льеже, Утрехте и Амстердаме. Само же Бюро теперь располагается на улице Вивьенн, а сам он получает кличку "паша с улицы Вивьенн". Здесь всегда полно клиентов, среди них знатные особы — принцы королевской крови, графы и бароны, министры. У самого же Видока в штате все те же двадцать человек. Среди них

и некий Улисс Перрено, подсланный полицией, чтобы следить за Видоком.

Летом 1842 года к Видоку обратилось несколько жертв афериста по имени Шампе. Полиция давно его разыскивала, но безрезультатно. Видок встречается с ним и склоняет его исполнить требования заимодавцев. На другой день Шампе был арестован, а заодно задержан и Видок. Здесь явно не обошлось без Улисса Перрено — конечно, он подсказал, где скрывался Шампе, от него узнали и о встрече с ним Видока.

Полиция рада вновь досадить своему старому недругу и объявляет, что Видок превысил полномочия, незаконно пытался подменить собой власть. А дальше следует совсем невообразимое: он-де, Видок, арестовал "именем Закона" Шампе, а потом якобы похитил его. Кодекс предусматривал наказание за такое деяние. Это уж слишком. Но, к удивлению Видока, Шампе подтверждает эту небылицу и подает в суд. Из мошенника и фальсификатора документов он превращается в жертву.

И снова обыск у Видока. Изымают его бумаги, опечатывают Бюро, а его самого заключают в Консьержери.

Настает день суда. Публика с нетерпением ждет вердикта. Видок, одетый в черный костюм, в таких же перчатках, с белым галстуком на груди молча выслушивает приговор: пять лет тюрьмы, пять лет стро-

того надзора и три тысячи штрафа, плюс судебные издержки. Зал протестует, председатель приказывает очистить помещение.

Видок подает апелляцию. Его защитником на повторном слушании будет адвокат Ландриен, хотя полиция пытается отвести его кандидатуру. Он произносит блестящую речь в защиту своего подопечного. Восхваляет старца, столь позорно осужденного только за то, что он всю свою жизнь посвятил обеспечению спокойствия и мира в столице. Арестовали же его потому, что он вселяет страх в своих соперников из полиции, тех, кому удалось вселить такой же страх в некоторых судей... Адвокат мастерски доказал невиновность своего клиента, перечислив многие его подвиги и рассказав о великих часах жизни этого несравненного сыщика.

Председатель суда прервал его и, посоветовавшись с коллегами, объявил: "Мэтр Ландриен, ваши доводы судом услышаны". Это означало, что обвиняемый оправдан. В зале раздались одобрительные возгласы. Расходилась публика со словами: "Ну и везучий этот Видок!"

ЕСЛИ БЫ НЕ ОНИ...

Однажды в кабинете адвоката Ледру собралось несколько близких ему человек. Среди них был знаменитый френолог Фоссати и Видок. Знакомы они не были, больше того, никогда не виделись. Не раскрывая имени Видока, хозяин предложил френологу обследовать голову того. Ученый приступил к изучению черепа, медленно и внимательно начал пальпировать его. Закончив, произнес, что никогда не встречал такой головы: прекрасный, широкий лоб, превосходны все пропорции, можно сказать, четко просматриваются три качества пациента — отважного льва, тонкого дипломата и нежной сестры милосердия.

С такой характеристикой Видока согласились бы, пожалуй, многие из знавших его. Среди них и Бенжамен Алпер, известный филантроп и редактор "Журналь де призен" — издания, посвященного положению в тюрьмах и проблемам с заключенными. В его доме, где Видок-частый гость, он познакомится со многими выдающимися людьми эпохи. Повстречает он здесь и знаменитого палача Сансона.

Во время обеда Видок сядет по одну от него сторону, по другую — хозяин.

— Известно ли вам, — обратился Видок к гостю, — что мне частенько приходилось обеспечивать вас работой, когда я был шефом Сюртэ?

— Да, господин Видок, это правда!

По просьбе гостей Сансон рассказал о себе. Предки его были ассенизаторами и живодерами, отец унаследовал должность от деда, тоже палача. Так уж повелось, что их дело переходило по наследству. Отцы, дядья, братья, племянники — все были палачами или их помощниками. Точно также было и в других местах: в Нормандии на этом поприще приобрели известность семьи Ферей и Жуэн; в Шампани — Делюре; "хозяевами" Лотарингии были кланы Барре, Роши и Эрманы; в Берри и Турени — Дефурно, Брошары и Дубло. В Париже вот уже семь поколений, с 1688 года, члены их семьи являются городскими палачами. Дед его Шарль-Анри казнил самого Людовика XVI.

Как ни странно, но всем им удавалось уцелеть в самые смутные времена, когда кровь лилась рекой. Видно, без них нельзя было обойтись. Жалованья за свою работу они обычно не получали, жили за городскими стенами. Платили же им так: палач обладал правом брать себе небольшую часть от всех продуктов, привезенных на рынок. Но торговцы не хотели, чтобы к продуктам прикасалась нечистая рука, поэтому они предпочитали освободиться от этой повинности с помощью денежной контрибуции. Со временем обычай этот, правда, исчез и город стал платить своим палачам деньгами.

Отец, передавая свое ремесло, наказывал, чтобы

он жил спокойно и незаметно, и тогда никто не будет иметь права вмешиваться в его дела.

— "Кроме тех, кому тебе предстоит отсечь голову", — должен был добавить ваш отец, — заметил Видок.

— Господин Видок, оставьте шутки, ведь моими устами говорит история.

— К сожалению, это так! — согласился тот. И, перехватив инициативу, пустился в собственные воспоминания. Все слушали, зажав дыхание. Алперу казалось, что личность этого человека излучает какое-то необыкновенное притяжение, воздействует магнетически. Наверное, и все остальные почувствовали то же самое.

— Не слишком ли мрачной стала наша беседа, — прервался Видок и рассказал один курьезный случай.

Как-то он позировал никому не известному художнику. Портрет вышел плохой, лишенный какого-либо сходства. Он не захотел принять эту работу, выполненную карандашом. Тем не менее, предложил небольшую компенсацию за труд. Художник, видимо, мнивший себя гением, отказался от столь малого вознаграждения, явно намереваясь сорвать куш покрупнее. Он подает в суд, Видока обязывают выплатить 50 франков.

— Значит ли это, если я выплачу деньги, что портрет принадлежит мне? — спрашиваю я.

— Рисунок карандашом, — поправляет судья.

— Превосходно, — восклицаю я, — согласен. Теперь можно внизу написать, что рисунок был признан похожим на оригинал вашим судебным решением...

Все покатались от хохота.

Шли годы, и хотя Видок был в прекрасной форме, треволнения и, особенно, последнее заключение в тюрьме Консьержери, где провел более года в ожидании суда, стоили ему не только здоровья, но и средств. Он лишился своих клиентов, доходы его упали, если совсем не прекратились.

Немало денег уходило на жалование сотрудникам Бюро, на адвокатов и прочее. Одним словом, в один прекрасный день он узнал, что находится на грани разорения. Не могли помочь и гонорары за книги, которые писал. Всего их вышло у него двенадцать, в частности, такие, как "Подлинные Парижские тайны", "Размышления о необходимых средствах для сокращения преступности и рецидивизма" и др. Почти все они вызывали бурю негодования, так как задевали многих, и прежде всего, сильных мира сего.

В Лондоне, куда он приехал после выхода там его книги, Видок посещает тюрьмы, ведет переговоры о создании организации "Всемирное расследование" — нечто вроде будущего Интерпола. Устраивает выставку в театре, где идет драма под названием "Видок". На выставке представлены привезенные им экспонаты: личные его вещи и одежда, а также ору-

жие, принадлежащее знаменитым вора и бандитам. Он выступает с лекциями, выходит специальная брошюра с его портретом.

В этот момент умирает его третья жена. Пресса, словно сорвавшись с цепи, обвиняет его в ее смерти, вернее в том, что она будто бы покончила жизнь самоубийством. Видок вынужден через газеты объясняться. Он говорит, что супруга долгое время страдала от опухоли и, чтобы облегчить ужасную боль, выпила чуть больше лекарства, чем нужно. И это была истинная правда.

Настает день, когда он полностью разорен. Это случилось во время революции 1848 года. С приходом к власти Наполеона III Видок отходит от дел и удаляется в свое поместье. В возрасте семидесяти четырех лет можно почитать на лаврах, оставаться наедине со своими воспоминаниями и теми небольшими средствами, которые уцелели после кораблекрушения. Власти оставили его в покое, он больше не страшен им. Сам же Видок испытывает "болезненное ощущение", словно после поставленных ему пиявок. "Лучше бы они высосали всю мою кровь до последней капли! Смерть — это сон бедняка!" — восклицает он в тоске. И решает написать президенту, напоминает о своих заслугах. Ответа не последовало. Спустя два года вновь принимается хлопотать о пенсии. Результат тот же — считают, что он вполне обеспеченный гражданин.

Вместо роскошных апартаментов, как бывало раньше, он ютится в комнате на бульваре Бомарше, да и то помещение принадлежит его другу. Он оказывается за "чертой бедности". Только тогда власти смилостивились и назначили ему "ежемесячное вспоможение" в размере ста франков.

В начале 1854 года он переезжает на улицу Сент-Пьер-Попенкур. Три года спустя ему восемьдесят два года. Он уже не может подняться, отказывают ноги, тело бьется в судорогах. Доктора безнадежно машут рукой. Придя в себя, он говорит врачу: "Мне хотелось бы почувствовать землю под ногами..." Его пытаются отговорить, но он упрямо настаивает. "Разве нельзя, как Геракл, восстановить силы, прикоснувшись к земле?" Вот и он хочет в последний раз в жизни рискнуть — вдруг миф о греческом герое обернется для него правдой. Приносят корзину земли и рассыпают ее перед кроватью умирающего. Его поднимают, ноги упираются в пол, лицо преображается, он просит отпустить его и падает на пол.

Более десяти дней длится агония. Видок мужественно заканчивает свою жизнь, как и жил, не зная страха, риска и надеясь.

Говорят, в предсмертном бреду он шептал о том, что мог бы стать Клебером, Мюратом, добиться маршальского жезла, но слишком любил женщин и дуэли. Если бы не они...

В ПОЛУМРАКЕ ИСТОРИИ (Вместо эпилога)

Летним вечером 1844 года в загородном доме Бальзака в Жарди собрались друзья писателя. Хозяин угощал в тот день своих гостей примечательнейшей личностью — Видоком.

Расположившись в глубоком кресле, он занимал окружающих историями из своей жизни. Рассказывал о неписанных законах преступного мира, о ворах и грабителях. Или о том, как "вычищал Тюильри" от самозванцев, разгадывая нюхом бывшего каторжника под платьем маркизов и баронов, под пышными мундирами клейма обитателей галер. Время от времени Видок сопровождал свое повествование словами: "Комедия! Комедия мира — самый необыкновенный спектакль!".

Это была не первая встреча автора "Человеческой комедии" Бальзака с прототипом его Вотрена. Они познакомились задолго до этого, еще в начале двадцатых годов. Бальзака интересовали факты, случаи из уголовной и судебной практики, он запаса́лся материалом для своих романов, изучал жизнь парижского дна. Видок, как никто, мог оказаться полезным для него. Возможно, именно после встреч с ним Бальзак записал слова о том, что все ужасы, которые романистам кажутся их вымыслом, уступают действительности. Великий писатель не только

Оноре де Бальзак

находил в рассказах Видока подтверждение тому, что мир преступников связан тайными узами с верхами общества, с полицией, но и черпал из его историй темы, сюжеты, образы для своих "этюдов о нравах". Под именем Гобсека выведен старый приятель Видока ростовщик Жюст; "женщина-загадка" Феодора из "Шагреневой кожи" напоминает Сильвию, знакомую Видока; образ Феррагюса был навеян тем же источником. Подтверждение тому — досье на некоего каторжника Феррагюса, обнаруженное в бумагах Видока после его смерти. Не раз на страницах романов Бальзака упоминается имя и самого начальника сысской полиции.

В своей работе Бальзак не преминул воспользоваться и таким источником, как воспоминания Видока. Из них он узнал о случае с Вотреном, заимствовал это имя и, изменив лишь одну букву, назвал им одну из самых колоритных фигур "Человеческой комедии".

Но не только имя взял Бальзак для своего персонажа из жизни. Писатель придал Вотрену черты реального лица — Видока, создал близкий к подлиннику портрет, наделив его умом и хитростью, присущими прототипу. Даже внешний облик этого литературного героя, его ярко-рыжие волосы, незаурядная физическая сила, приветливое обращение и грубоватая веселость, за которыми скрывался вулкан человеческих страстей, скопированы с Видока.

Бальзак имел право сказать, что Вотрен "не заключает в себе никакого преувеличения", ибо был списан "с живого человека".

Однако и это не все. Бальзак использовал факты биографии бывшего каторжника при создании своих романов. Сведения, почерпнутые из жизни Видока, послужившего как бы возбудителем творческого воображения писателя, были немаловажным источником для автора "Человеческой комедии" при описании преступного мира, которым, как он считал, нельзя было пренебрегать в описании нравов, в точном воспроизведении общественного состояния. Похождения, подобные тем, что описал Видок, часто находили отражение на страницах прессы того времени, в "Судебной газете", печатавшей отчеты о дерзких подвигах беглых каторжников, сеявших смятение в провинции и столице. Факты такого рода получили отклик и в литературе. Создается мода на романы, где действуют пираты, разбойники, беглые каторжники, полицейские. Не избежал всеобщего поветрия и молодой тогда Бальзак. Уже в ранних произведениях он выводит тип сильного человека, скрывающегося обычно под чужим именем. Это и пират Аргоу, присваивающий себе фамилию графа де Максенди, и неуловимый, таинственный Феррагюс, элегантно одетый, с орденом Золотого руна, звездой на фраке и двумя буквами, выжженными на правом плече: TF – каторжные работы. Наконец, это Вотрен, по

словам самого Бальзака, один из наиболее известных и ярко обрисованных персонажей "Человеческой комедии". В прошлом "Наполеон каторги", известный под именем Жака Коллена, по кличке Обмани-смерть, он впервые появляется в романе "Отец Горио".

Метаморфозы Видока, как и перевоплощения Куаньяра, Колле, Жосси, наводят на мысль о различных масках, принимаемых Вотреном.

Бальзак прямо указывает, что мнимый испанский аббат Карлос Эзера "оказался на месте каторжника Коллена в результате какого-нибудь преступления, так же искусно совершенного, как то, при помощи которого Куаньяр стал графом де Сент-Элен". Тот же Коллен, скрываясь от полиции, выступает под личиной негоцианта, в роли Генерала, осуществляет "блистательнейшую из своих проделок" — побег, переодевшись подобно Видоку в офицерский мундир.

На страницах жизнеописания Видока перед читателем возникал, по мнению тогдашнего генерального инспектора тюрем Моро-Кристофа, человек "необычайного ума, неслыханной, дерзновенной смелости, невероятной, неистощимой изобретательности, огромной физической силы и ловкости". Но только этого, согласитесь, совсем не достаточно, чтобы не оказаться за бортом истории. Почему же и сегодня мы вспоминаем о Видоке?

Как полагает современный историк Жан Савен, изучавший биографию Видока и написавший о нем ряд книг, имя Франсуа Видока до сих пор не кануло в Лету только потому, что его личность интриговала и вдохновляла великих писателей. И это действительно так. Следы Видока можно отыскать и в творчестве А. Дюма.

Если Бальзак познакомился с Видоком за столом в доме у господина де Берни, королевского прокурора, мужа госпожи де Берни, с которой писателя связывала многолетняя дружба, то А. Дюма встретился с ним в гостиной Бенжамена Аппера. На вилле у этого известного филантропа и писателя раз в неделю собирались "самые блистательные умы эпохи". Здесь можно было встретить писателей, драматургов, политических деятелей, врачей, адвокатов и т.п. Бывал и Видок, утверждавший, что "добрые дела отмечают каждое мгновение жизни почтенного господина Аппера". Любезный хозяин, не желая оставаться неблагодарным, в свою очередь, распинался перед гостем: "Я знаю тысячу штрихов, говорящих о добром сердце Видока, этого замечательного человека".

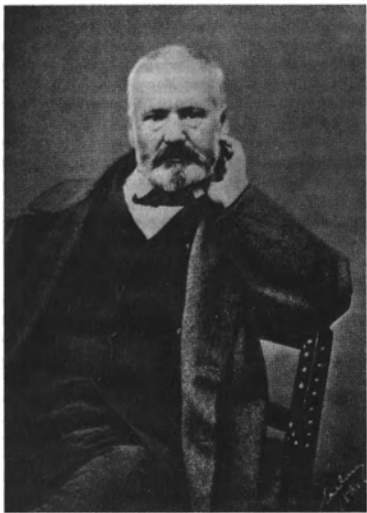
Завязавшаяся здесь, в доме Аппера, дружба А. Дюма с Видоком породила своего рода сотрудничество. Результаты его воплотились в изрядном числе томов. Среди них "Парижские могикане", "Сальваторе", "Габриель Ламберт".

Обязан Видоку был и Эжен Сю. На основе материалов, предоставленных Видоком, созданы "Парижские тайны". Черпали из этого же источника и другие — Леон Гозлан и Фредерик Сулье, Леон Фоше и Паран-Дюшатле, и даже Жорж Санд, для которой Видок послужил прообразом Тренмора в ее романе "Лелия".

Знал и Гюго бывшего каторжника Видока. Писатель не только читал мемуары Видока, но, как и многие литераторы, лично был хорошо знаком с ним.

Впервые они встретились в конце двадцатых годов, возможно, в доме того же Алпера, когда Гюго опубликовал повесть "Последний день приговоренного к смерти".

К тому времени некогда всесильный шеф полиции Видок уже находился в отставке и занимался коммерческой деятельностью. Он открыл бумажную фабрику, где вырабатывалась его собственного изобретения бумага с особыми водяными знаками, включающими подделку векселей. На этой фабрике трудились главным образом бывшие каторжники, те, кто не мог найти себе работу, кого избегали, словно прокаженных. Отношению к освобожденным преступникам Видок посвятит обширный труд, который изучали все юристы того времени. В нем Видок, в частности, писал: "Хотя нам оказывают честь называть нас самым просвещенным народом на земле,

Виктор Гюго

мы все еще находимся во власти предрассудков. Из них самым пагубным по своим последствиям, порождающим наибольшее количество преступлений и, наконец, самым асоциальным является тот, который заставляет отталкивать освобожденных преступников”.

Положение отбывшего срок и выпущенного на свободу, по словам Видока, очень похоже на положение должника, который наконец вернул свои долги. Он оплатил свой долг, отбыв наказание, к которому был приговорен. “Отчего же к нему не относятся так же, как к должнику, зачем беспрестанно упрекают в той ошибке или преступлении, которое он совершил? — продолжал Видок. — Отчего его отталкивают так безжалостно? В каких законах, божеских или человеческих, почерпнули люди эти принципы извечного упрека?”

Эти же вопросы волновали и Гюго. И Видок оказал писателю неоценимую услугу. Вспомним, что и Жан Вальжан, превратившись в господина Мадлена, создает фабрику, где трудятся бывшие каторжники. Правда, мастерские, созданные Жаном Вальжаном, находились около Монтрей-сюр-Мэр, а не близ Монтрей-су-Буа, как у Видока. И производили здесь не бумагу, а так называемое черное стекло. Но это не меняет сущности дела. Несомненно, писатель воспользовался этим фактом биографии Видока, как до него сделал это и Бальзак, создавший своего Давида

Жан Вальжан

Сешара — изобретателя нового дешевого состава бумаги.

Становится изобретателем и Жан Вальжан. Но если Видок, помимо бумаги с водяными знаками, изобрел несмываемые чернила и несколько способов производства картона, то Жан Вальжан усовершенствует производство черного стекла, удешевив метод его изготовления.

Знакомство Гюго и Видока прослеживается на протяжении многих лет, вплоть до того дня, когда писатель вынужден был удалиться в изгнание. Известно, например, что Видок оказывал кое-какие услуги Гюго в тот период, когда стал главой первого в истории частного сыскного бюро. В бумагах Видока после его смерти в 1857 году обнаружили огромное досье Прадье.

Это было дело о тяжбе Жюльетты Друз — многолетней возлюбленной Гюго — со своим бывшим супругом скульптором Джеймсом Прадье — дело, которым по просьбе Гюго занимался Видок. Там же оказалось и досье, имеющее непосредственное отношение к Гюго. На папке стояло имя "Биар". Бумаги, находившиеся в ней, относились к 1845 году и касались отношений Гюго с Леони д'Онэ, по мужу Леони Биар. Видимо, Видока с его умением улаживать щекотливые конфликты пригласил Гюго вмешаться и помочь ему выйти из затруднительного положения.

Столь долгое и, можно сказать, близкое знакомство Гюго с Видоком не могло не отразиться на творчестве писателя. И если вновь обратиться к биографии Видока, то легко установить, что в его судьбе, как и в жизни Жана Вальжана, тоже сыграл роль священник. Звали его Пьер-Жозеф Поррион, он был епископом Паде-Кале, откуда происходил Видок. Этот человек отличался необыкновенным милосердием и, как говорили, совершил не меньше благодеяний, чем епископ Мириэль в своей епархии.

Гюго использовал и многие другие факты биографии Видока в романе "Отверженные". Это, например, история со стариком Фашлеваном, когда на него опрокинулась повозка и Жан Домкрат, как прозвали Жана Вальжана на каторге за его силу, спас несчастного. Подобный случай действительно произошел с Видоком. Однажды в январе 1828 года шел дождь, дорогу в Ланьи сильно размыло. Тяжелая повозка с бумагой и картоном с фабрики Видока увязла в грязи. Лошади не могли сдвинуть ее ни на шаг, встали на дыбы, повозка опрокинулась, и возница, бывший каторжник, оказался придавленным ею. Позвали хозяина, пришел Видок, подлез под повозку и, словно домкратом, одной лишь силой своих геркулесовых мускул приподнял ее и освободил беднягу.

Запомнил Гюго и рассказ Видока о его побеге с каторги. Монахиню, которая способствовала бегст-

ву, писатель назвал сестрой Симплицией, и она, в свою очередь, помогла скрыться Жану Вальжану.

Словом, без Видока, видимо, не было бы Жана Вальжана, грозного каторжника, "гонимого, — по словам А. Герцена, — целым гончим обществом". Как, впрочем, не было бы и сыщика Жавера — олицетворения другой его сущности. Верно сказано: "В святости Жана Вальжана воплощена правота угнетенных, в злобе Жавера — вся жестокость угнетателей".

Но нигде Видок не обрисован так ярко, как в "Человеческой комедии". Его своеобразная фигура, как будто отступившая в полумрак истории, была освещена прожектором бальзаковского гения и наиболее ярко предстает перед нами в образе Вотрена на страницах романов "Отец Горю", "Утраченные иллюзии", "Депутат от Арси", "Блеск и нищета куртизанок", в драме "Вотрен".

**Родителям и детям,
изучающим английский язык!**

Сказки Юрия Коваля

**обладателя международного
Почетного Диплома
им.Х.-К.Андерсена,**

**с красочными иллюстрациями
Николая Устинова**

в 4-х книгах

**с параллельными текстами
на английском и русском языках**

ПРЕДЛАГАЕТ

**Рекламно-издательская фирма
"КОРОНА-ПРИНТ"**

РОМАН БВЛОУСОВ

КОРОЛЬ РИСКА

Серия

„Знаменитые авантюристы и авантюристки“.

Редактор С. Тишина

Художник Д. Гончарова-Джурович

**Художественно-техническое
редактирование А. Агафонова**

Подп. к печати 21.09.90. Формат 60х84 1/32.
Печать офсетная. Объем — 3,5 п. л. Усл. п. л.
3,26. Тираж 100 000 экз. Зак. № 1995. Цена 4 р.

СП „Корона“. РИФ „Корона-принт“.

**Отпечатано с диапозитивов РИФ
„Корона-принт“.**

**Фабрика офсетной печати № 2 Министерства
печати и массовой информации РСФСР.
141800, г. Дмитров Московской области,
Московская, 3.**

